

АЛЕКСЕЙ ШИШОВ

ГЕРОИ 1812 ГОДА

ОТ БАГРАТИОНА И БАРКЛАЯ
ДО РАЕВСКОГО И МИЛОРАДОВИЧА

Алексей Васильевич Шишов
Герои 1812 года. От Багратиона и
Барклай до Раевского и Милорадовича
Серия «Гении войны»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6700202

*Герои 1812 года. От Багратиона и Барклай до Раевского и Милорадовича / Алексей Шишов.: Яуза,
Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-68510-3*

Аннотация

«Вам все вершины были малы / И мягок самый черствый хлеб, / О, молодые генералы / Своих судеб!» – писала о них Марина Цветаева. Неслышанно молодые по нынешним меркам, невероятно талантливые, отважные и самоотверженные, русские генералы 1812 года покрыли себя на полях сражений бессмертной славой: «Три сотни побеждало – трое! / Лишь мертвый не вставал с земли. / Вы были дети и герои, / Вы всё могли!» 600-тысячную Великую Армию Наполеона победил не только стратегический гений Кутузова и непоколебимая твердость императора Александра, но и «созвездие» блестящих русских военачальников, которые превзошли хваленых французских маршалов по всем статьям. Багратион и Барклай де Толли, Раевский и Дохтуров, Коновницын и Милорадович, Витгенштейн и Воронцов, Паскевич и Голицын – эта книга воздает должное лучшим русским генералам первой Отечественной войны, которые одолели всю Европу, сломали хребет «непобедимому» корсиканцу и взяли Париж!

Содержание

Предисловие	4
Петр Багратион	6
Михаил Барклай-де-Толли	31
Дмитрий Дохтуров	58
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Шишов Алексей Васильевич

Герои 1812 года. От Багратиона и Барклая до Раевского и Милорадовича

Предисловие

Отечественная война 1812 года, или иначе, как она называется во французской историографии, – Русский поход Наполеона в военной истории государства Российского, являет собой нечто исключительное. Это был первый случай со дня объявления Петром I Великим России империей, то есть почти за столетие, когда наше Отечество подверглось вражескому нашествию.

В том все удаляющемся от нас 1812 году в пределы Российской державы вторглась ударная группировка 600-тысячной Великой армии воинственного императора французов Наполеона I, одного из самых великих полководцев-завоевателей в летописи человеческой цивилизации, большого тактика и стратега. Вторглась не просто доселе победоносная армия Франции, а собранная Бонапартом воедино военная сила с покоренной им пол-Европы.

Россия в той войне оказалась в полном одиночестве. Под знаменами Наполеона Бонапарта на нее шли армии еще вчерашних союзников императора Александра I – Пруссии и Австрии. Вся надежда выстоять и победить была на русскую армию, ее солдат и командиров. И, естественно, на воинский талант и любовь к Отечеству полководцев «грозы 12-го года».

Действительно, в той войне блеснуло целое созвездие полководцев русской армии, славных победами, имевших каждый свой почерк. В этой книге рассказывается о биографиях десяти из них – П.И. Багратиона и М.Б. Барклая-де-Толли, Д.С. Дохтурова и П.П. Коновницына, Н.Н. Раевского и П.Х. Витгенштейна, М.С. Воронцова и М.А. Милорадовича, И.Ф. Паскевича и Д.В. Голицына.

Все они – кавалеры Военного ордена святого великомученика и победоносца Георгия. У каждого из них главная биографическая веха – Отечественная война за изгнание Наполеона из родных пределов. В их судьбы для нас, потомков, вошли Бородинская битва и сражение при Малоярославце, защита города-крепости Смоленска, бои у Салтановки и Островно, на реке Чернишне близ Тарутина, под Вязьмой, Красным и Полоцком...

Каждый из этих полководцев – герой Отечественной войны 1812 года. Они отличны друг от друга своим жизненным путем, родословной, записями в послужных формулярах, орденскими «бантами» и титулами. Равно как и характерами, прошлым и будущим в их непростых судьбах, разделенными огненной чертой наполеоновским нашествием.

Естественно, что об одних мы знаем много (как, скажем, о Багратионе, Барклае-де-Толли и Воронцове), о других мало или совсем мало (к числу таких относятся, прежде всего, Дохтуров, Паскевич и Голицын). Но все они дороги для российской истории как великие личности, делами полководческими творившими славу русского оружия.

В данной книге прослеживаются их судьбы, жизненные пути людей, избравших для себя на всю жизнь военное поприще с его тяготами, битвами и ранениями, наградами и опалами, славой сегодняшней и будущей, после ухода в вечность. Не все они при жизни получили должное признание заслуг перед Отечеством, но история почти за два столетия рассудила многое из их деяний, «расставив все по своим местам».

При написании полководческих биографий использовались самая широкая документалистика о судьбах героев книги, мемуары современников и частные письма, суждения историков той эпохи и наших дней, исследования по Отечественной войне 1812 года, других

войн, прежде всего антинаполеоновских, в которых участвовали эти люди в генеральских мундирах, овеянные в истории ратной славой.

В книге рассказывается об их человеческих отношениях друг с другом, порой сложных и противоречивых, верном служении России и династии Романовых, отношении к родным и близким людям, заботе о подчиненных, прежде всего о рядовых служителях русской армии. Судьба не ко всем из них была благосклонна, они знали и царские опалы, и прижизненные гонения, и долгое забытие их истинных заслуг.

Главной целью написания очерков было создание биографической картины Отечественной войны 1812 года. Картины, прежде всего основанной на исторической правде, а не на том, что нам бы хотелось видеть на этой картине. Реалии жизни часто расходятся с нашим воображением, представлениями о той же жизни. Как то получилось в данной книге – судить читателям.

Петр Багратион

Герой дня Бородина, суворовец по духу и боевой выучке князь Петр Иванович Багратион родился в 1769 году на Северном Кавказе, в городе-крепости Кизляре Астраханской губернии. Происходил он из грузинского царского рода Багратиони и был внуком царевича Александра Иессевича, переселившегося в 1758 году в Россию. Для князей Багратионов служба в русской армии стала семейной традицией.

Царская грузинская династия Багратионов правила в стране с XI века до начала XIX столетия. После присоединения земель Грузии к России одна из ветвей рода Багратионов была включена в число российских княжеских родов.

О его отце сохранились противоречивые сведения. Историки считают, что полководец Багратион появился на свет в семье отставного полковника русской службы И.А. Багратиона. Он «якобы служил в армейских полках, пока не попал на глаза Суворову». Однако современный исследователь Л.Л. Ивченко пишет следующее:

«...Анализ документов показал, что Иван Александрович Багратион никогда не служил в русской армии, не знал русского языка и умер в чине секунд-майора, пожалованном ему по прибытии из Грузии только для назначения пенсии».

Учился (год) в Кизлярской школе для обер- и унтер-офицерских детей. В 14 лет поступил рядовым мушкетером в Астраханский пехотный (мушкетерский) полк «сверх комплекта». Его командир полковник Н.Ю. Пьери подписал рапорт такого содержания:

«По поданной челобитной грузинской нации из дворян князь Петр Багратион был принят в мушкетеры».

Солдатскую службу с ее тяготами юный князь познал сполна. В 15 лет получает чин сержанта. На огнедышащей Кавказской укрепленной линии князь Петр Багратион прослужил пять лет с постоянной, как по сей день считают историки, походной жизнью. Но в его личных формулярах за три года сведения об участии в боях отсутствуют.

Боевой опыт мушкетер получил в столкновениях с горцами, часто нападавшими на линию. 15 июня 1785 года участвовал в неудачном для русских войск бою с чеченцами шейха Мансура при селении Алды («под деревнею Алдиной за рекою Сунжею»). После этого дела Астраханский мушкетерский полк был расформирован: отряд астраханцев был «разнесен по частям кинжалами» нападавших горцев, и бой для полка окончился бесславно.

Считается, что Петр Багратион, исполнявший должность адъютанта полковника Пьери, получил тогда тяжелое ранение и попал в плен к чеченцам. Победители-горцы сохранили ему жизнь и доставили на русские аванпосты без подобающего по такому случаю выкупа «из-за уважения к его отцу».

В июле 1786 года переводится в Кавказский мушкетерский полк, тоже стоявший на линии. В этот полк были влиты остатки астраханских мушкетеров. В августе следующего года в 18 лет получает первый офицерский чин прапорщика.

...Первые боевые награды и командирское признание Петр Багратион получил в ходе Русско-турецкой войны 1787–1791 годов, называвшейся еще и как Вторая екатерининская турецкая война. Он участвует в штурме крепости Очаков, будучи удостоен за отличие золотым Очаковским крестом на Георгиевской ленте. Эта награда приравнивалась к Георгиевской, то есть к Военному ордену. В начале войны получает чины подпоручика и капитана (за штурм Очакова, в 21 год).

В офицерских чинах Багратион рос быстро. Здесь надо отметить такой немаловажный факт: князь не один год служил в адъютантах и ординарцах у генерал-фельдмаршалов светлейшего князя Тавриды Г.А. Потемкина и графа И.П. Салтыкова. В июле 1791 года стал премьер-майором с переводом в Киевский конно-егерский полк. В полк он так и не прибыл, оставаясь на прежнем месте службы. В ноябре 1793 года пожалован в секунд-майоры с последующим переводом в Софийский карабинерный полк.

Обращает на себя внимание то, что с самого начала появления князя из грузинского царского рода Багратиони на офицерском поприще он пользовался исключительным вниманием к себе со стороны высшего начальства. Он рос в чинах во многом благодаря тому, что его зачисляли на открывающиеся вакансии в разных полках. Это свидетельствовало о том, что связи Петра Ивановича в среде российской аристократии были достаточно прочными и высоких покровителей в молодости он имел предостаточно.

Но это никак не умаляет его личных достоинств, открывавших путь к «отличиям» на войне. Сомневаться в его храбрости, бесстрашии и умении вести за собой подчиненных на самые опасные дела начальникам Багратиона никогда не приходилось. Именно эти качества сделали его человеком популярным в среде русского воинства, в первую очередь среди нижних чинов.

Вновь отличиться на боевом поприще Петру Багратиону довелось во время Польской кампании 1793–1794 годов. Он участвовал в штурме укрепленного варшавского предместья Праги, за что был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом и чином подполковника. В багратионовском формулярном списке о том сражении под стенами столицы Польши говорилось так:

«...Того же октября 24-го числа с одним же эскадроном при штурме прагском отряжен был вперед в сильной и жестокой штурм, поражал конницу неприятельскую и гнал их до самой реки Вислы, где они от боязни бросились в воду».

Уже тогда, в Польше, в ходе приступа укреплений Праги, на командирские способности и бесстрашие князя Багратиона обратил внимание сам А.В. Суворов-Рымникский, предсказавший храброму пехотному офицеру, своему выученику, большое будущее. Полководец в воинских дарованиях своих подчиненных не ошибался, поскольку «судил их по себе».

В июле 1795 года князь Петр Багратион назначается командиром 1-го батальона Лифляндского егерского корпуса, через год – командиром 7-го егерского батальона. В 1797 году принимает командование над 7-м (позднее – 6-й) егерским полком. В феврале 1798 года получает чин полковника.

Егеря в ту эпоху считались отборной легкой пехотой. Багратионовский полк отличался самой лучшей стороной боевой выучки. Князь с января 1799 года становится шефом егерского своего имени полка. 4 февраля того же года император Павел I жалует его чином генерал-майора.

Каким смотрелся князь с родословной из грузинских царей Багратиони в русском генералитете? Каким видела Петра Ивановича в генеральских эполетах армейская семья? Один из хорошо знавших его современников писал после Отечественной войны 1812 года:

«Этот человек и был и теперь знаком всякому по своим портретам, на него схожим. При росте несколько выше среднего, он был сухощав и сложен крепко, хотя несвязно.

В его лице были две особенные приметы: нос, выходящий из меры обыкновенных, и глаза. Если б разговор его и не показался вам усеянным приметами ума, то все ж, расставшись с ним, вы считали бы его за человека очень умного, потому что ум, когда он говорил и о самых обыкновенных вещах, светился в глазах его, где привыкли искать хитрости, которую любили ему приписывать.

На него находили минуты вдохновения, и это случалось именно в минуты опасностей; казалось, что огонь сражения зажигал что-то в душе его, – и тогда черты лица, вытянутые, глубокие, вспрыснутые рябинами, и бакенбарды, небрежно отпущенные, и другие мелочные особенности приходили в какое-то общее согласие: из мужчины невзрачного он становился генералом красивым. Глаза его сияли; он командовал и, в бурке, с нагайкою, на простом донце, неся, опережая колонны, чтоб из начальствующего генерала стать простым передовым воином.

Это был наш князь Багратион!...»

...Талант большого военачальника у П.И. Багратиона раскрылся под знаменами русского военного гения Александра Васильевича Суворова в Итальянском и Швейцарском походах 1799 года. Тогда молодой 30-летний генерал командовал авангардом союзной русско-австрийской армии, действовавшей в Северной Италии против захвативших ее французов.

В начале апреля он совместно с союзниками-австрийцами захватил важную по местоположению крепость Брешиа. Потом последовали победы над французскими войсками у Палацалло, взятие города Бергамо, разгром французского генерала Серрюрье у Лекко...

Командиром суворовского авангарда генерал-майор князь Багратион стал так. Когда генерал-фельдмаршал А.В. Суворов-Рымникский прибыл в итальянский город Верону, командир разместившегося здесь русского корпуса генерал-лейтенант Розенберг представил ему полковых командиров. Суворов был особенно рад увидеть Багратиона, шефа 6-го егерского полка, которого хорошо знал по Польскому походу 1794 года.

Когда представление корпусного генералитета закончилось, генерал-фельдмаршал приказал Розенбергу: «Пожалуйте мне два полчка пехоты и два полчка казачков».

У полководца Суворова это означало, что в самое ближайшее время предстоит выступление в Итальянский поход и что в авангарде будут идти два пехотных полка, имея впереди два полка донских казаков. Для такого дела требовалось отобрать наиболее подготовленных людей. Однако генерал-лейтенант Розенберг не понял смысла суворовских слов.

На следующее утро Суворов-Рымникский вновь повторил свои слова о «полчках». Но корпусной начальник и на сей раз не смог понять приказание, отданного ему генерал-фельдмаршалом. «Тогда из строя генералов вышел Петр Иванович Багратион и смело сказал:

– Ваше сиятельство! Вверенный мне 6-й егерский полк готов.

Суворов очень обрадовался такому ответу своего давнего любимца и воскликнул:

– Так ты понял меня, князь Петр? Понял! Иди приготовь и приготовься!»

Багратион уже через час мог доложить о готовности авангардного отряда союзных войск к началу походного движения. В его состав помимо егерского полка вошли сводный гренадерский батальон подполковника Ломоносова и Донской казачий полк майора И.С. Поздеева. Суворов предписал багратионовскому отряду первым появиться на берегах реки Адды.

Французская армия генерала Шерера растянулась, стремясь прикрыть весь противоположный от противника речной берег. Багратион форсировал Адду чуть ли не в центре вражеской позиции. Ружейная перестрелка, затем удар в штыки, которого французы не желали принимать, решили дело. Бои шли три дня, и армия французов под командованием генерала Моро, сменившего Шерера, открыла русским и их союзникам путь на крупнейший в Северной Италии город Милан.

Затем состоялась битва на реке Треббия. Она начиналась так. Две французские армии под командованием генералов Моро и Макдональда начали встречное наступление. Они подошли к реке Тидоне, где находился австрийский корпус генерала Отто. Макдональд решил разбить его до подхода русских. Однако Суворов-Рымникский сумел прийти на помощь союзникам.

Битва шла уже вовсю, когда у Тидоны появились первые суворовские войска: четыре казачьих полка и два полка австрийских драгун. Казачья конница понеслась лавой, и польской дивизии генерала Домбровского пришлось «туго».

Затем появились сам А.В. Суворов с князем Багратионом и его авангардом, люди которого после столь спешного марш-броска откровенно устали. Петр Иванович через годы рассказывал о том, как генерал-фельдмаршал отправил его в первую атаку в битве на реке Треббия:

«Когда усиленным маршем пришли мы к Треббии, множество солдат отстало у нас по дороге от утомления. Суворов приказал мне атаковать Макдональда немедленно.

– Позвольте отложить атаку на несколько часов, – сказал я ему вполголоса. – К нам подойдет много усталых, а теперь почти не с кем атаковать, в ротах нет и по 40 человек!

– А у Макдональда нет и по 20-ти, – сказал мне Суворов на ухо. – Атакуй с Богом! Ура!»

Багратион начал атаку. Плотные шеренги гренадеров, егерей, взяв ружья на руку, дружно двинулись вперед, с барабанным боем, музыкой и песнями. Батальон за батальоном вставал в боевую линию багратионовского авангарда. Под его натиском французская пехотная бригада генерала Сальма стала подаваться назад. Суворов сам повел авангард в общую атаку, разъезжая на любимом донце в сопровождении Багратиона перед рядами батальонов, обращаясь к солдатам:

– Вперед! Вперед! Коли! Руби!..

В бой ввязывалось все больше и больше подходивших русских войск. К вечеру армия генерала Макдональда оказалась отброшенной к реке Треббия. На рассвете сражение продолжилось. Багратион командовал одним из крыльев позиции, имея 11 батальонов пехоты

против 16 французских. Макдональд попытался охватить здесь противника, но в ходе ожесточенного боя, который не раз превращался в рукопашные свалки, отступил.

В третий день битвы на реке Треббия багратионовский авангард (2,5 тысячи человек) разбил атакующую польскую дивизию (4 тысячи человек) генерала Домбровского, усиленную французской пехотой. Примерно спустя час после начала боя Домбровский был отброшен на противоположный речной берег с потерей 600 человек убитыми, 400 ранеными, одной пушки и одного батальонного знамени французов, взятого егерским поручиком Григорием Антоньевым.

На Треббии князь Багратион показал себя блистательным командиром легкой егерской пехоты, прекрасным ее тактиком. Он развернул впереди сил авангарда две цепи стрелков, на расстоянии примерно 30 шагов друг от друга. В 100–200 шагах от них находились гренадерские батальоны, построенные в ротные колонны.

Генерал Домбровский атаковал русских одной густой стрелковой цепью и батальонными колоннами польской и французской пехоты. Участник тех событий рассказывал:

«Скорым шагом, бодро шли на нас могучие числом колонны французов; шли с музыкою и с барабанным боем и с повременным криком. Один из молодых ратников, в полном смысле удалъ русская, стоя в цепи, засмеялся и спросил старика-товарища:

«Дядя! Что они горло-то дерут, словно свиньи на бойне, когда их режут?»

«Пусть повременят только немножко – заревут они у нас не так еще», – ответил ему старик-ратник».

Багратион приказал своим стрелкам начать прицельную стрельбу по атакующим только тогда, когда те подойдут «на верный выстрел». Густая цепь польских и французских стрелков, за которыми виднелись колонны, быстро накатывалась на две цепи русских егерей, изготовившихся к стрельбе.

«Цепь... неслась на нас нахально и на расстоянии выстрела (300 шагов) открыла пальбу из ружей, с рук, без прицела...

Стрелков французских было втрое против нас, и пули их стали носиться между нами, как вода в летнюю пору. Охотники выжидали и, подпустив врага шагов на полтора... встретили их меткими выстрелами. Ни одна пуля их не пошла на ветер...»

В том боевом эпизоде вражеская стрелковая цепь оказалась полностью «расстроенной» прицельной пальбой егерей. Более того, русские егеря стали отступать, неприятельские стрелки погнались за ними, смешались, потеряв строй, и оторвались от батальонных колонн, которые следовали за ними. Выждав этот момент, гренадеры багратионовского авангарда ударили в штыки и решили бой в свою пользу: «...убитых и раненых было сплошь».

Был ранен на Треббии и генерал-майор Багратион: «пулею в правое плечо». Ранение оказалось легким, и потому в его послужном списке это ранение не отмечено. Генерал-фельдмаршал А.В. Суворов-Рымникский же в победной реляции отмечал среди боевых потерь, что князь был «ранен контузией».

Впоследствии П.И. Багратион не раз вспоминал трудное дело на реке Треббия, которое врезалось в его память: «Люди мои ослабели в силах, число их уменьшалось каждую минуту от непрерывного огня. Жар в воздухе был ужасный. Последний запас моих гренадер пустил я в бой. Ружья худо стреляли, замки и полки у ружей запеклись накипом от пороха...»

«Князь Петр» за Итальянский поход имел на редкость высокие награды: за «отличия» при занятии города Брешиа, за что удостоился ордена Святой Анны сразу 1-й степени. В сражении на берегах реки Адда (у Лекко) получает ранение пулей в правую ногу выше колена. Следует пожалование в командоры ордена Святого Иоанна Иерусалимского (Мальтийского креста). За дело при Маренго, где был разбит французский генерал Маро, награждается орденом Святого Александра Невского. То есть император Павел Петрович в «пожалованиях» князя Багратиона не только не обходил, но еще и награждал более чем достойно.

В Итальянском походе генерал-майор князь Багратион, что говорится, не выходит из боев. Отличается, как сказано выше, в сражениях на реках Тидона и Треббия. При городе Нови-Лигуре блистает вновь, будучи награжден по суворовскому представлению алмазными знаками ордена Святого Иоанна Иерусалимского.

Багратиону на земле Италии не все удавалось, как говорится, с первого раза. Так было под городом Нови, взять который Суворов приказал генерал-майору П.И. Багратиону. Тот повел отряд в бой, но вскоре убедился, что каменная городская стена, не поддающаяся пушечным ядрам, – прекрасная позиция для обороняющихся французов. Атака следовала за атакой. Тогда Суворов-Рымниксий добавил сил «князю Петру». Город подвергся третьему штурму. Очевидец свидетельствовал:

«Солдаты шли на штурм с яростью, не знавшей пределов. Они, как бы ослепленные храбростью, под смертельным огнем орудий, казалось, не замечали преимуществ позиции неприятельской, они презирали неминуемую смерть, и не было возможности удержать их».

Блистательная победа под городом Нови завершила блистательную Итальянскую кампанию. А.В. Суворов-Рымникский говорил окружающим: «Мой Багратион имел присутствие духа, расторопность, отважность и счастье». После битвы при Нови полководец подарил «князю Петру» шпагу, с которой тот не расставался до конца своих дней.

В журнале ведения военных действий суворовскими войсками в Северной Италии, к примеру, есть такие записи:

«...Неприятель, стоявший по обоим берегам реки Адды с возвышенных противу наших мест, усмотря малосилие князя Багратиона, распустил множество стрелков по горам в ущелья и сады. Но он его паки поразил сильно штыками; казаки тут так же пособляли спешенными стрелками».

«Когда армия готова была идти в поход, получено известие, что неприятель поспешно переправляется от Александрии на сию сторону реки Бормиды... Уже неприятельских войск переправилось шесть тысяч и прошли до Сент-Жульено, как вдруг генерал-майор князь Багратион со своим авангардом и австрийский генерал-майор Лудиньян... атаковали неприятеля, сломили его холодным ружьем, привели в крайний беспорядок и обратили в бегство к Бормиде...»

«...Неприятель предупредил союзные войска в намерении перейти Треббию и перешел чрез оную во всех пунктах и атаковал все части армии... Прежде всего на правом фланге встретил штыками неприятеля генерал-майор князь Багратион с 6-ю батальонами... В сражении одного часа неприятель был прогнан за реку, оставя в воде убитыми до 600 человек и потеряв пленными 29 офицеров и до 400 нижних чинов...»

Великий Суворов гордился своим талантливым учеником, которого часто называл «князем Петром». А французские военачальники не без причин усматривали в нем опасного противника. Русский поход императора французов Наполеона 1812 года, равно как и другие антинаполеоновские войны, подтвердил эти опасения.

Новую славу Багратиону в том же 1799 году принес Швейцарский поход. В начале его русский авангард под его командованием в сражении на Сент-Готарде блестяще выполнил задачу по захвату горного перевала. Во многом благодаря этому успеху французам пришлось очистить путь суворовским войскам, понеся при этом большие потери, в том числе и моральный урон. Затем отличается в бою у Чертова Моста.

«Князя Петра» всегда видели в ходе прорыва через Швейцарские Альпы в самых опасных местах. В бою под Глярусом он получает контузию картечью. Ему выпала честь последней победой русского оружия завершить славный для российского воинства Швейцарский поход. 1 октября 1799 года авангард под командованием генерал-майора князя Багратиона численностью 6 тысяч человек нанес поражение противостоявшему 5-тысячному отряду

французов под начальством генерала Молитора. Эта победа на высокогорье при Нефельсе обеспечила беспрепятственный отход суворовских войск в долину Верхнего Рейна.

В своих приказах по армии и донесениях императору Павлу I в далекий от Италии и Швейцарии Санкт-Петербург генерал-фельдмаршал А.В. Суворов-Рымникский постоянно отмечал заслуги командира своего авангарда, успешно справлявшегося с самыми ответственными боевыми задачами.

«Князя Петра» не пугала ни опасность, ни сложность их выполнения. Равно как и численность вставшего перед ним неприятеля, авторитетность парижских генералов, прославившихся в революционных войнах Франции. Из заграничного похода он вернулся с репутацией признанного боевого генерала. Его послужной список впечатлял современников.

Швейцарский поход – прорыв через заснеженные Альпы и французские заслоны продолжался 16 дней. 16 дней солдатского подвига. 16 дней величия военного гения Суворова. 16 дней генеральской славы Багратиона.

Военный историк Л.Н. Белькович, преклоняясь перед образом Багратиона, утверждал: «Уже один швейцарский поход мог бы составить славу Багратиону – без него померкла бы слава Суворова и его чудо-богатырей».

Константин Симонов в своей известной поэме «Суворов» посвятил «князю Петру», герою перехода через Швейцарские Альпы, такие яркие и выразительные строки:

...Смеркалось, а Багратион
Еще не обошел французов,
Он, бросив лошадей и грузы,
Взял гренадерский батальон
И сам повел его по кручам
Глубоко в тыл.
Весь день с утра они ползли
Все ближе к тучам,
Со скал сдували их ветра,
С откосов обрывался камень,
Обвал дорогу преграждал...
Вгрызаясь в трещины штыками,
Они ползли. Суворов ждал.
А время шло, тумана клочья
Спускались на гору. Беда!
Фельдмаршал приказал хоть ночью
Быть в Сен-Готарде, но когда
Последний заходящий луч
Уже сверкнул за облаками,
Все увидали: выше туч,
Край солнца зацепив штыками,
Где ни тропинок, ни следов
От ветра, как орлы крылаты
Стоят на гребне синих гор
Багратионовы солдаты...
Француз бежал...

...В августе 1800 года генерал-майор князь П.И. Багратион, овеянный суворовской славой, назначается шефом лейб-гвардии Егерского батальона, который в мае 1806 года развивается в полноценный полк гвардейской легкой пехоты.

Вновь с французами Багратион встретился в войне 1805 года, которая закончилась для союзных монархий России и Австрии поражением от Наполеона. В этой военной кампании, когда русская армия под командованием М.И. Голенищева-Кутузова совершала свой знаменитый Ульмско-Ольмуцкий маневр, Петр Иванович возглавлял ее аррьергард, на долю которого выпало больше всего испытаний. О первом успехе багратионовского отряда император Александр I был извещен немедленно:

«Вчерашнего числа, отступая от Штрэнгберга к Этингену, аррьергард наш под командою князя Багратиона в 6-ти баталионах инфантерии, 3-х баталионах егерей, 10-ти эскадронах гусар Павлоградских и нескольких цесарских (австрийских. — *А.Ш.*) эскадронов и 4-х баталионов кроат (хорватов. — *А.Ш.*) под командою графа Ностица в преследовании атакован был сильным неприятельским корпусом под командою маршала Мюрата.

Нападение неприятельское было так сильно, что должно было его (Багратиона) подкрепить резервным корпусом под командою генерал-майора Милорадовича. И сей день отпор, сделанный неприятелю, честь делает российским войскам. Окончание сего дела и прогнание неприятельской пехоты версты за 3 принадлежит российской пехоте...»

Гораздо более серьезным оказался бой при Шенграбене. Русскому 6-тысячному аррьергарду при 12 орудиях противостоял передовой 30-тысячный корпус наполеоновской армии под командованием маршала империи Иохима Мюрата, опытного и смелого кавалерийского военачальника. Закрепившись на позиции у Шенграбена, князь Багратион держался до тех пор, пока отходившие главные силы кутузовской армии не оказались на недосягаемом для неприятеля удалении.

Хотя багратионовский аррьергард понес в 8-часовом бою наравне с французами большие потери (2402 человека), особенно в артиллерии, свою задачу он выполнил. Только после этого аррьергард оставил свои позиции. Маршал Мюрат оказался бессильным в бою против русского пехотного генерала: атакующий пыл его войск угас. В бою, в котором о равенстве сил и говорить не приходилось. Впоследствии русский аррьергард, действовавший у Шенграбена, назовут «дружиной героев».

Неприятель, по словам П.И. Багратиона, у Шенграбена «...принужден был, видя совершенную свою неудачу и большой вред, остановить преследование...»

Разъяренный Наполеон тогда, не сдержавшись, выразил большое неудовольствие действиями своего прославленного маршала Франции. Император начал осознавать, что погоня за отступавшим Кутузовым начинает приносить ему чувствительный урон в людях, лишая его славы победителя. Именно багратионовский аррьергард становился для него на этом пути каждый раз неодолимым препятствием. Стоило ли в этом винить одного Мюрата?

За этот подвиг Петр Иванович Багратион удостоился от императора Александра I сразу ордена Святого великомученика и победоносца Георгия полководческой 2-й степени, минуя низшие 4-ю и 3-ю степени. Считается, что эта высокая награда была дана ему за всю Русско-австро-французскую войну. На четвертый день после боя у Шенграбена жалуется в генерал-лейтенанты.

Со стороны главнокомандующего русской армией генерала от инфантерии М.И. Голенищева-Кутузова приказ Багратиону любой ценой сдержать натиск французского авангарда носил в себе известную жертвенность. Михаил Илларионович писал из Вишау императору Александру I:

«Хотя я и видел неминуемую гибель, которой подвергался корпус князя Багратиона, не менее того я должен был считать себя счастливым спасти пожертвованием одного армью...»

Надо отдать должное М.И. Голенищеву-Кутузову, который сумел оценить начальственные на войне способности князя Багратиона, как шесть лет назад это сделал генералиссимус А.В. Суворов-Рымникский. Полководец с большою похвалою сообщал в донесении о действиях армейского аррьергарда, присоединившегося к главным силам:

«...Храбрый генерал-майор князь Багратион, немало не теряясь, произвел с своей стороны канонаду и, бросив несколько бомб в неприятеля, успел зажечь деревню, в которой был расположен корпус, назначенный для атаки князя Багратиона с фланга. Увеличившийся пожар понудил неприятеля выйтись из сей деревни и спасти свои пороховые ящики, проходя вдоль позади оной, что и дало время князю Багратиону выиграть часа два в ретиреде.

Со всем тем неприятель достигал его и теснил крепко, отрезывая часто часть его корпуса, но всегда надежда его оставалась тщетною, ибо солдаты пробивались повсюду на штыках, коими опрокинули неоднократно и самую кавалерию неприятельскую.

...Донеся о сем происшествии, увенчавшем славой российских воинов, я осмелюсь не промедлительно ходатайствовать о Всемилостивейшем награждении генерал-майора князя Багратиона, отличавшегося на каждом шагу при ретиреде на 50 миль и заслужившего не один раз монаршую милость Вашего Величества.

...Генерал-майор князь Багратион, по мнению моему, заслуживает за разные дела, в коих он действовал, чин генерал-лейтенанта, а за последнее при деревне Шенграбен неоспоримое, кажется, имеет право на военный орден Св. Георгия 2-го класса».

Подлинное же полководческое признание пришло к П.И. Багратиону после битвы при Аустерлице 2 декабря 1805 года, которую Наполеон Бонапарт считал самой блестящей («солнцем») в созвездии своих побед. Армия императора французов насчитывала перед сражением 73 тысячи человек при 250 орудиях. Его противники имели 85 тысяч человек (60 тысяч русских и 25 тысяч австрийцев) при 278 орудиях (по другим данным – 81,5 тысячи). Союзной армией формально командовал генерал от инфантерии М.И. Голенищев-Кутузов, но с самого начала дела при Аустерлице в его решения постоянно вмешивались Александр I и австрийский император Священной Римской империи Франц II.

Августейшие «главнокомандующие» поручили подготовить план предстоящего сражения австрийскому генералу Вейротеру. План был не только плох, но еще и не предусматривал того, что французы сами могут атаковать. Когда П.И. Багратион познакомился с мыслями Вейротера, изложенными к тому же на немецком языке, то он сказал присутствующим известные слова: «Завтра мы будем разбиты».

В сражении Багратион командовал войсками на правом крыле союзной армии и длительное время стойко отражал все атаки французов. Здесь атаковали корпуса Даву, Нея и Понятовского. Когда победная чаша весов стала склоняться в сторону наполеоновской армии, почти окруженные части Багратиона составили арьергард союзников, прикрывая отход главных их сил, понеся при этом большие потери. За проявленную доблесть князь был отмечен похвальным рескриптом императора Александра I.

В кутузовском рапорте государю за Аустерлиц есть такая строка: «Князь Багратион... удерживал сильное стремление неприятеля и вывел корпус свой с сражения в Остерлица в порядке, закрывая в следующую ночь ретирату армии».

Современники, участники баталии, в своих мемуарах довольно единодушно похвально отзываются о действиях арьергарда князя П.И. Багратиона. Его стойкость и организованность особенно блистали на фоне отступления союзной армии от Аустерлица. Так, генерал-лейтенант на русской службе граф А.Ф. Ланжерон, бездарно командовавший в битве второй колонной, был «ужасно» подавлен происшедшим, что и отразилось в его воспоминаниях:

«Мне уже случалось видеть проигранные сражения, но о таком поражении я не имел понятия...

Мы шли или скорее бежали всю ночь, и на следующий день вся наша армия очутилась на дороге в Венгрию...

Остальные войска, исключая арьергарда князя Багратиона, находились в том же беспорядке, как и наши колонны левого фланга: все бежало по большой дороге, никого не было

на своем месте, корпуса, дивизии, полки, роты, все совершенно перепуталось, и ни у кого не было чего-нибудь поесть...»

...В ходе Русско-пруско-французской войны 1806–1807 годов Багратион вновь командует арьергардом русской армии, отличаясь в крупных сражениях на территории Восточной Пруссии – у Прейсиш-Эйлау (награжден орденом Святого Владимира 2-й степени), Гутштадта (отмечен золотой шпагой «За храбрость» с алмазами), Гейльсберга и при Фридланде.

В первом из них, состоявшемся 7–8 февраля 1807 года, ученик Суворова во главе арьергарда прикрывал отход русских войск к Прейсиш-Эйлау. Затем багратионовские полки успешно отражали атаки французов и не позволили им обойти себя с фланга. После кровопролитного сражения, продолжавшегося до десяти часов вечера, противники остались на исходных позициях. На следующий день русские беспрепятственно отступили от Прейсиш-Эйлау.

При Фридланде (ныне город Правдинск Калининградской области) генерал-лейтенант князь Багратион командовал левым крылом русской армии. Ее поражение в этой битве ускорило заключение Тильзитского мира.

В сентябре 1807 года следует назначение командиром 21-й пехотной дивизии. Начальствование ею в дни мирные оказалось недолгим. Вскоре дивизия, имевшая немалый боевой опыт в войнах с французами, перебрасывается в Финляндию: начиналась последняя для европейской истории война России со Швецией.

...В ходе Русско-шведской войны 1808–1809 годов Багратион, командир 21-й дивизии, «поднялся» до командования армейским корпусом. Его войска заняли важный по своему местоположению город Або (тогдашняя столица Финляндии). Там же успешно отражаются в сентябре 1808 года два шведских морских десанта. Войска Багратиона отличаются при взятии у шведов города Бирнаборга.

Последняя победа оказалась весьма значимой для идущей войны. Не случайно главнокомандующий русскими войсками на территории Финляндии генерал Ф.Ф. фон Кнорринг доносил императору Александру I о занятии города Биернаборг:

«...Храбрые войска, состоящие под командою генерал-лейтенанта князя Багратиона, открыли себе вход оружием в город Биернаборг. Напрасно неприятель собирал в оном большую часть сил своих и готовился положить преграду нашим успехам, генерал-лейтенант Багратион, во исполнение данной диспозиции, предупредил его намерение и после упорного сопротивления принудил оставить город, найдя в нем достаточные магазейны.

Неприятель пошел после сего по дороге к Вазе, оставя нас обладателями всей Абовской провинции. Он непрерывно преследуется легкими детаашментами...»

Среди побед в Финляндии за Багратионом значится разгром у Артчило бригады шведского генерала Адлеркрейца, после чего русские войска захватили город Таммерфорс. Отличился он при занятии финляндской территории по побережью Ботнического залива от города Або до Гамла-Карлебу.

Самым большим успехом для полководца в войне со Швецией стала экспедиция по скованному льдом Ботническому заливу на Аландские острова. Собственно говоря, «ледяной переход» задумывался масштабно. Корпусные войска генерал-лейтенанта П.И. Багратиона должны были по льду Ботнического залива и по цепочке скалистых мелких и безлюдных островов занять Аланды. Оттуда намечался переход через пролив Аланзунд и выход на побережье самой Швеции и появление перед королевской столицей Стокгольмом. Одновременно подобную операцию севернее проводил М.Б. Барклай-де-Толли.

Когда план «ледяного перехода» обсуждался в Санкт-Петербурге, государь отправил в Финляндию «наблюдать» за проведением этой операции тогдашнего военного министра России генерала от артиллерии А.А. Аракчеева, своего временщика. Тот, прибыв на место, потребовал от фон Кнорринга незамедлительных действий по ускорению окончания войны.

Собственно говоря, за это и выступали корпусные командиры генерал-лейтенанты П.И. Багратион и М.Б. Барклай-де-Толли.

Первыми вступили на балтийский лед войска Багратиона, целью которых стояло занятие Аландского архипелага. Переход проходил в первые три дня марта 1809 года. Багратионовский корпус состоял из около 17 тысяч человек при 20 орудиях.

Следует заметить, что операция разворачивалась в трудных для русской действующей армии в Финляндии условиях. Ее провиантские «магазинны» были почти пусты, в самой Швеции изготовился для появления на финской земле сильный корпус. Войскам пришлось бы идти несколько суток по морскому ледяному панцирю без горячей пищи с ночевками прямо на льду и снегу. Переход был тягостен как для людей, так и для лошадей.

Аланды оборонял 10-тысячный корпус генерала Диобельна. При появлении русских шведы, не ожидавшие от противника такой дерзости под конец зимы на Балтийском море, стали сперва отходить на остров Большой Аланд, чтобы оттуда налегке бежать по льду к берегам Швеции. После занятия островов Багратион писал в донесении:

«...Тщетно полагал неприятель остановить наступление многими и большими засеками, в густоте лесов поделанными. Они (русские войска) обошли их и, переходя необозримые ледяные пространства, преодолели все препоны, самую натурой поставленные, и мужественное их наступление повсюду приводило неприятеля в трепет».

Багратионовский корпус расположился на Аландском архипелаге на отдых. Временщик Аракчеев, который распоряжался войсками армии как главнокомандующий, потребовал от Петра Ивановича выполнить царскую волю, то есть выступить в поход по льду Балтики на город Стокгольм. Аракчеев считал, что реальная угроза для шведской столицы побудит даже самых воинственных сановников в стане неприятеля подписать мир.

Багратион «просчитал» сложившуюся под конец войны ситуацию иначе. Он прекрасно понимал, что появление на территории собственно Швеции русского корпуса совсем не походило на кратковременную набеговую операцию. Его корпус фактически уже не имел тылов, и потому сколько-нибудь значительных запасов провианта и боевых зарядов (особенно артиллерийских) в «ледяной поход» с собой он взять просто не мог.

Аракчееву удалось в отношениях со строптивым князем Багратионом добиться только малого. Тот был «побужден» начать преследование бежавшего с Большого Аланда корпуса генерала Диобельна. Проследить движение 10 тысяч шведов на ледяной дороге не составило большого труда: по пути бегства они оставляли не только следы, но и немало брошенных «тяжестей».

Вдогонку беглецам Багратион сразу же отправил отряд в 400 кавалеристов под начальством бесстрашного генерал-майора Я.П. Кульнева. Тот дошел до берегов собственно Швеции и захватил там после упорного боя город Гроссельгам недалеко от столичного Стокгольма.

Штурмовать же его малыми силами конного отряда Кульнев, человек отчаянной храбрости, не пошел. Бой за Гроссельгам обернулся для четырех сотен кавалеристов немалыми потерями: шведы обороняли городок мужественно. Багратион доносил о результатах этого конного рейда по весеннему балтийскому льду к вражеским берегам восторженно:

«Столь быстрый и нечаянный переход Аландгафа кавалерии нашей, непонятный самому неприятелю, привел прибрежных жителей в трепет. Сигнал о сем телеграфа ужаснул столицу вандалов; дорога до Штокгольма была покрыта трепещущими жителями, партикулярными обозами и войсками, которые поспешно шли для защищения берегов; все сие представляло картину повсеместного стремления и страха и останется незабвенным в летописях времен позднейших к бессмертной славе российского оружия».

Аландские острова были заняты почти без сопротивления противной стороны, и это послужило одной из последних «мер принуждения» до этого часто воинственного Сток-

гольма к миру со своим восточным соседом. Шведское королевство больше не претендовало вооруженной рукой на Финляндию, которая стала неотъемлемой частью империи династии Романовых.

Историки здесь единодушны: «ледовый поход» в исполнении корпусов генерал-лейтенантов Багратиона и Барклая-де-Толли по заледенелым полям Балтики, над которыми уже веяло весной, сказал в войне свое веское слово. Швеция оказалась «сраженной безумством русских войск». В Стокгольме поняли, что Балтийское море «проходимо» для русской армии и зимой, и летом.

Вступивший на королевский престол после государственного переворота и смещения Густава IV Адольфа герцог Карл Зюдермландский запросил перемирия. Затем последовали переговоры о мире, в которых судьба Финляндии была окончательно решена в пользу России.

Наградой для Георгиевского кавалера князя П.И. Багратиона за эту войну стал чин генерала от инфантерии. Так он вошел в круг высшего генералитета Российской империи. Производство было дано ему в высочайшем рескрипте от 29 марта 1809 года вместе с М.Б. Барклаем-де-Толли. Так были награждены два главных героя «ледяного похода» русских войск по скованной льдом Балтике. Военная история Европы подобных примеров знает немного.

Показательно, что этот указ «по повышению в чинах генералов Багратиона и Барклая» был подписан самодержцем Александром I на земле Финляндии, которую он посетил уже как часть Российской империи. 127 депутатов финского сейма (парламента), собравшись в городе Борго, высказались за вхождение уже бывшей восточной части Швеции в состав России.

Российский государь выступил перед парламентариями с речью на французском языке, после чего посетил город Гельсингфорс (ныне финская столица Хельсинки) и крепость Свеаборг. Затем он побывал в тогдашней столице Финляндии городе Або. В этой поездке его сопровождали военачальники русской армии, среди которых находился и новоиспеченный генерал от инфантерии и Георгиевский кавалер П.И. Багратион.

Позднее этот поход по весеннему льду Балтики назовут одной из самых значимых побед русского оружия в многочисленных войнах России со Шведским королевством. В честь этого события для награждения нижних чинов (солдат и унтер-офицеров) была выбита медаль «За переход на шведский берег».

...Во время затянувшейся Русско-турецкой войны 1806–1812 годов генерал Багратион с августа 1808 года по март 1810-го был главнокомандующим русской Молдавской (Дунайской) армией. Императорский рескрипт о его высоком назначении, когда война со Швецией еще шла, заканчивался такими словами Александра I:

«...Поспешный переход за Дунай признан необходим.

Вам известно, сколь по настоящим обстоятельствам каждая минута драгоценна. Я ожидаю и в скором времени надеюсь получить от вас из-за Дуная донесение».

Санкт-Петербург знал, что единственное средство принудить Стамбул к заключению мира состоит в том, чтобы нанести сильное поражение его войскам. И, желательно, не одно. Об этом новому главнокомандующему Молдавской армией постоянно отписывали с берегов Невы. От него требовали действовать наступательно, с викториями в каждой полевой битве и осаде крепости.

Багратион успешно руководил боевыми действиями на левом и правом берегах Дуная, в Северной Болгарии. Его войска овладели рядом неприятельских крепостей – Мачином, Кюстенджи, Гирсово. В августе 1809 года при Рассевате был блестяще разгромлен отборный по своему составу 12-тысячный корпус султанской армии. За это главнокомандующий удостоился высшей орденой награды России – Святого Апостола Андрея Первозванного.

К слову говоря, в истории этого ордена за победу в конкретной битве он жаловался крайне редко.

Затем турецким войскам, спешившим на помощь осажденному гарнизону Силистрийской крепости, в начале октября наносится убедительное поражение в сражении при Тата-рице. Одержанные победы позволяли рассчитывать на успешное проведение новой военной кампании. Но обстоятельства вскоре заставили Багратиона снять осаду с крепости Силистрия (древнего Доростола).

С началом своего главного командования Молдавской армией Багратиону пришлось озаботиться боевой выучкой вверенных ему войск, прежде всего пехоты, в рядах которой оказалось много вчерашних рекрутов. Он издает приказ о «воинском обучении», в котором были и такие слова:

«Я уверен, что всякий честный начальник не станет учить солдат безрассудно, долго и часто. Я требую обучать солдата, чтобы он стрелял целно и верно, сие главное и должное ремесло, свернуть батальон в колонну в минуту и в минуту развернуть и атаковать...

Таким образом, солдата надобно учить и готовить быть победителем, а не изнурять».

...Конец кампании 1809 года прошел с успехом: перед русскими войсками капитулировал гарнизон крепости Измаил. Затем сдался гарнизон Браиловской крепости. Однако перенести масштабные боевые действия на болгарское правобережье Дуная главнокомандующему Молдавской армией так и не удалось.

Не удалось Багратиону начать боевые действия против турок и на территории Сербии, куда он намеревался послать экспедицию из казачьей конницы под начальством генерал-майора Исаева 1-го для совместных действий с сербами.

В Санкт-Петербурге были недовольны снятием осады с крепости Силистрия, подготовкой действующей армии к зимовке, и, прежде всего, значительной числом кавалерии, потерявшей много коней по причине недостатка фуража. Ситуация была такова, что даже казачьи полки оставались без лошадей. Начало следующего года, когда подсохнут пути-дороги в Северной Болгарии, не обещало много хорошего: султанская армия обладала многотысячной конницей. Ей же надо было противопоставить сильную армейскую кавалерию, обладавшую не меньшей маневренностью.

Из-за вспыльчивости характера П.И. Багратиону, подготовившему уже наступательный план кампании 1810 года, пришлось расстаться с действующей армией и вернуться в Россию: 4 февраля этого года он был освобожден от главного командования «по состоянию здоровья». Главное командование армией было им сдано графу Н.М. Каменскому.

Дело обстояло так. Князь Багратион, крайне уязвленный тем, что в столице довольно в резких тонах осуждалась, прямо скажем, неудачная для Дунайской армии кампания 1809 года, решил оставить занимаемый пост. Из Бухареста в Санкт-Петербург помчался курьер с рапортом на государево имя об отставке.

Император Александр I познакомил с багратионовским рапортом только что принявшего пост военного министра М.Б. Барклая-де-Толли. Посоветовавшись, они решили не терять боевого, пусть и строптивого генерала для русской армии, а дать ему отпуск по болезни на четыре месяца. Однако этот отпуск по разным причинам растянулся до осени 1811 года.

К князю Багратиону относились в период той зимы действительно не самым доброжелательным образом. Но это относилось только к той части генералитета и сановников, которые ждали от него с берегов Дуная только победных рапортов. Такое отношение к «многообещающим» полководцам в истории было характерно не только для России.

Всего лишь один пример. Мемуарист генерал-майор остзейский барон В.И. Левенштерн, автор ряда воспоминаний, охватывающих период с 1790 по 1815 год, человек язви-

тельный, дал князю Багратиону, как военачальнику, очень едкую характеристику. Вне всякого сомнения, она звучала в столице из уст в то время отставного офицера Левенштерна:

«...В его (Багратиона) лице... Россия имела лучшего начальника авангарда, лучшего начальника главных сил, но он не так хорош во главе армии, и, кажется, про него можно сказать, что блестящий во втором ряду помрачается в первом».

...Но все же истина остается истиной. Ко времени вторжения Великой армии императора Наполеона Бонапарта генерал от инфантерии Петр Иванович Багратион был уже вполне сложившимся полководцем. Один из героев Отечественной войны 1809 года и войны Кавказской (и не только их), авторитетный в своих суждениях генерал А.П. Ермолов в своих «Записках» дал ему следующую, вполне исчерпывающую характеристику:

«Князя Багратиона счастье в средних степенях сделало известным и на них его не оставило. Война в Италии (суворовский Итальянский поход 1799 года. – *А.Ш.*) дала ему быстрый ход; Суворов, гений, покровительствовавший ему, озарил его славой, собрал ему почести, обратившие на него общее внимание. Поощряемые способности внушили доверие к собственным силам.

Одаренный от природы счастливыми способностями, остался он без образования и определился на военную службу. Все понятия о военном ремесле извлекал он из опытов, все суждения о нем – из происшествий, по мере сходства их между собою, не будучи руководим правилами и наукою и впадая в погрешности; нередко же однако мнение его было основательным.

Неустрасим в сражении, равнодушен к опасности. Не всегда предприимчив, приступая к делу; решителен в продолжении его. Неутомим в трудах. Блюдет спокойствие подчиненных...

Ума тонкого и гибкого, он сделал при дворе сильные связи. Обязательный и приветливый в обращении, он удерживал равных в хороших отношениях, сохранил расположение прежних приятелей.

Обогащенный воинской славой, допускал разделять труды свои, в настоящем виде представляя содействие каждого. Подчиненный награждался достойно, почитая за счастье служить с ним, всегда боготворил его. Никто из начальников не давал менее чувствовать власть свою; никогда подчиненный не повиновался с большею приятностию. Обхождение его очаровательное!

Нетрудно воспользоваться его доверенностию, но только в делах, мало ему известных. Во всяком другом случае характер его самостоятельный. Недостаток познаний или слабая сторона способностей может быть замечаема только людьми, особенно приближенными к нему...

Нравом кроток, несвоеобычлив, щедр до расточительности. Не скор на гнев, всегда готов на примирение. Не помнит зла, вечно помнит благодеяния. Короче сказать, добрые качества князя Багратиона могли встречаться во многих обыкновенных людях, но употреблять их к общей пользе и находить в том собственное наслаждение принадлежит его невыразимому добродушию!

Если бы Багратион имел хотя ту же степень образованности, как Барклай-де-Толли, то едва ли бы сей последний имел место в сравнении с ним...»

Багратион прекрасно понимал неизбежность новой большой войны с наполеоновской Францией. Уж кто-кто, а он хорошо изучил этого противника, сражаясь с ним на земле Италии и Швейцарии, Австрии и Чехии, в Восточной Пруссии. В самом начале 1811 года он предлагает на рассмотрение императору Александру I свой план заблаговременной подготовки государства к приближающейся войне и ее ведения. Однако государь со своим окружением этот план не принял.

Что же предлагал Багратион в своем плане противостояния Наполеону? Его мысли сводились к тому, чтобы не ждать вторжения французской армии в пределы России, а самим нанести упреждающий неприятеля удар:

«...Гораздо бы полезнее было, не дожидая нападения, противустать неприятелю в его пределах».

В августе 1811 года генерал от инфантерии князь П.И. Багратион назначается командующим Подольской армией, расквартированной на Украине со штаб-квартирой в городе Житомире. В марте следующего года она переименовывается во 2-ю Западную армию; Багратион утверждается в должности ее главнокомандующего. Его войска в угрожаемый период меняют места дислокации.

Вместе с 1-й русской Западной армией военного министра М.Б. Барклая-де-Толли багратионовская армия встала на прикрытие западной государственной границы на протяжении сотни верст. Она состояла из двух пехотных и одного кавалерийского корпусов и казачьего отряда генерал-майора Н.В. Иловайского и достигала общей численности 45–48 тысяч человек. Впрочем, мнения исследователей разнятся при определении численности этих войск.

2-я Западная армия на начало Отечественной войны 1812 года имела в своем составе 24 батальона пехоты, 52 эскадрона кавалерии, 9 казачьих полков и 168 орудий. 7-м пехотным корпусом командовал генерал-лейтенант Н.Н. Раевский, 8-м пехотным корпусом – генерал-лейтенант М.М. Бороздин 1-й, 4-м кавалерийским корпусом – генерал-майор граф К.К. Сиверс.

Армия располагалась на территории приграничной Гродненской губернии, в районе городов Волковыска и Белостока. Казачьи полки были развернуты для несения дозорной службы вдоль государственной границы. Для усиления армии из Москвы двигалась 27-я пехотная дивизия генерала Д.П. Неверовского (14 батальонов, 36 орудий).

...Начало Отечественной войны 1812 года сразу же поставило 2-ю русскую Западную армию в крайне затруднительное положение. Император-полководец Наполеон I и его опытные маршалы империи делали все возможное для того, чтобы не дать армиям Барклая-де-Толли и Багратиона соединиться и разбить их поодиночке. Корпуса Великой армии (ее 1-й корпус маршала Даву в полтора раза численно превосходил багратионовскую армию) стремились вклиниться между армиями противника и охватить их, принудить к генеральной баталии. Это вполне отвечало стратегическим воззрениям Наполеона Бонапарта.

1-я и 2-я русские Западные армии стали отступать в глубь России по сходящимся направлениям, чтобы где-то в районе Смоленска соединиться. В более затруднительном положении оказалась багратионовская армия: прямой путь отхода ее на Минск легко отрезался неприятелем. Преследовали же его корпуса Жерома Бонапарта и маршала Даву.

Венценосный полководец Наполеон теоретически рассчитал стратегическую операцию по «истреблению» багратионовской армии, казалось бы, верно. После взятия без боя Вильно он видел, что русская главная 1-я армия военного министра Барклая-де-Толли отступает на северо-восток, к Дрисскому лагерю. Поэтому Бонапарт решил обрушиться на более слабую 2-ю Западную армию противника, окружить ее и уничтожить. Но в лице ее главнокомандующего он нашел тоже стратегически мыслящего человека.

Выходя из-под удара, Багратион совершает с армией марш-маневр от Волковыска до Смоленска, имея целью соединиться близ этого древнего города-крепости на Днепре с 1-й Западной армией. Этот маневр не позволил Наполеону и созвездию его прославленных маршалов разгромить русские армии в приграничье порознь. И тем самым заставить официальный Санкт-Петербург подписать с Францией мир на выгодных для нее условиях.

Говоря иначе, именно полководцы М.Б. Барклай-де-Толли и П.И. Багратион уже в самом начале Русского похода императора французов разрушили план Наполеона на войну с Россией. На эту войну Бонапарт собрал возможный максимум войск с покоренной им

пол-Европы. Однако в приграничье навязать противнику генеральную баталию он не сумел, чтобы реализовать уже в самом начале войны свое численное превосходство: две главные русские армии удачно отступали перед ним, «приглашая» заходить в российские пределы все дальше и дальше. А огромные пространства России пугали не только одного шведского короля Карла XII.

Однако это отступление стало причиной раздора князя Багратиона с военным министром Барклаем-де-Толли. Если первый был за то, чтобы «драться с французом» (чего желало все русское воинство), то второй методично проводил в жизнь свой план на войну. Петр Иванович в горячке запальчивости не скупился на резкость слов в адрес такого же, как и он, генерала от инфантерии, да к тому же еще и получившего этот чин позднее его. Но Барклаю-де-Толли он вынужден был подчиняться.

Начальник штаба 1-й Западной армии генерал-майор А.П. Ермолов пытался примирить двух главнокомандующих, от которых во многом в начавшейся войне зависела судьба России. Он писал князю Багратиону:

«Когда гибнет все, когда Отечеству грозит не только срам, но и величайшая опасность, там нет ни жизни частной, ни выгод личных...

Принесите Ваше самолюбие в жертву погибающему Отечеству нашему, уступите другому (Барклаю-де-Толли. – *А.Ш.*) и ожидайте, пока не назначат человека, какого требуют обстоятельства».

...Путь отступления к стоявшему на днепровских берегах крепостному Смоленску для багратионовской армии прошел в тяжелых арьергардных боях. Особенно ожесточенными стали бои под Миром и Романовом. А под Салтановкой разыгралось настоящее сражение. Преследователям так и не удалось взять в тиски 2-ю армию русских, совершавших один марш-бросок за другим.

Победы же ее в этих столкновениях оказались для неприятеля достаточно чувствительными в потерях. У селения Мир арьергард под командованием донского атамана генерала от кавалерии М.И. Платова наголову разгромил три вражеских уланских полка, которые попали в хитроумно устроенную засаду на дороге. Это был «первый звонок» в войне на российской территории для наполеоновцев.

Когда вблизи Могилева у деревни Салтановка французский корпус маршала Даву настиг отступавшие перед ним русские войска, Багратион решительно атаковал неприятеля. Хотя тот и занимал выгодную для себя позицию, ему не пришлось в день 23 июля праздновать победу. Даву посчитал, что он наконец-то настиг армию русских и сможет связать ее сражением.

Но Петр Иванович тактически переиграл маршала империи и вновь отступил, теперь уже на смоленском направлении. Он с присущим ему грубоватым юмором отписал в штаб 1-й Западной армии А.П. Ермолову:

«Насилу выпутался из аду. Дураки меня выпустили...»

Историки порой сравнивают преследование наполеоновскими маршалами русской 2-й Западной армии с «погоней за миражом». Опытнейшему полководцу-стратегу Наполеону Бонапарту, пожалуй, впервые пришлось столкнуться с таким блестяще маневрировавшим целой армией соперником. В лице полководца князя П.И. Багратиона император французский нашел опасного для себя лично «разрушителя» планов на Русский поход.

Европейские историки достаточно единодушно отмечают, что в том очном «поединке» французского императора и суворовского любимца предпочтение было на стороне Бонапарта. Так, англичанин Дональд Ф. Делдерфилд писал:

«...Далеко на юге (от Вильно. – *А.Ш.*) импульсивный Багратион, как казалось, был безнадежно отрезан от основной армии Барклая-де-Толли...

Огромная страна, где летние грозы превратили и так никуда не годные дороги в непролазное болото. Наполеон тем не менее был уверен в одном: в крайней уязвимости Багратиона и его 40 тысяч человек, которые уже отстали от основных частей отступающей армии на 80 лиг, а поскольку перед Наполеоном был ученик Суворова, то он, как искусный паук, ждал, когда бесстрашная муха ринется в расставленные им сети».

Багратиону, который отводил от границы более чем 40-тысячную армию, откровенно было нелегко раз за разом выискивать новые маршруты отступления, чтобы не попасть под удар превосходящих сил врага. Так, он двинулся к Минску, но узнал, что маршал Даву уже его занял. Петр Иванович тогда отписал «в сердцах» начальнику штаба 1-й Западной армии генерал-майору А.П. Ермолову:

«Я принужден назад бежать на Минскую дорогу... Куда ни сунусь, везде неприятель».

...Умело маневрируя, князь Багратион сумел-таки без больших потерь вывести 2-ю Западную армию к Смоленску на соединение с 1-й Западной армией. В «Записках Алексея Петровича Ермолова» удивительно точно сказано о душевном состоянии двух объединившихся в единое целое русских армий, которым приходилось отступать, а не сражаться:

«Радость обеих армий была единственным между ними сходством. Первая армия, утомленная отступлением, начала роптать и допустила беспорядки, признаки упадка дисциплины. Частные начальники охладели к главному (Барклаю-де-Толли. – *А.Ш.*), низшие чины колебались в доверенности к нему.

Вторая армия явилась совершенно в другом духе! Звук неумолкающей музыки, шум непрерывающих песен оживляли бодрость воинов. Исчез вид понесенных трудов, видна гордость преодоленных опасностей, готовность к превозможению новых. Начальник – друг подчиненных, они – сотрудники его верные!»

Багратионовские войска за 35 дней, постоянно имея в тылу и на фланге настойчивых и сильных преследователей, прошли более 750 километров. Из-за давления наполеоновских маршалов приходилось постоянно маневрировать, идти на «походные риски». Суточные марш-броски достигали порой 35–40 километров. Петр Иванович отмечал:

«...Быстроте маршей 2-й армии во все время делаемых по самым песчаным дорогам и болотистым местам с теми тягостями, которые на себя ныне люди имеют, и великий Суворов удивился бы».

К Смоленску багратионовская армия шла марш-бросками, поспешая поддержать вставший на защиту города на Днепре 7-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Н.Н. Раевского. Багратион послал вперед своего адъютанта с небольшим письмом бесстрашному корпусному командиру, на полки которого обрушились всей своей мощью несколько корпусов Великой армии под начальством самого императора французов. Петр Иванович писал Раевскому:

«Друг мой! Я не иду, я бегу. Хотел бы иметь крылья, чтобы поскорее соединиться с тобой. Держись! Бог тебе помощник!»

Под смоленскими крепостными стенами, построенными городовых дел мастером Федором Конем при царе Борисе Годунове, 4–6 августа произошло Смоленское сражение. В нем из состава багратионовской армии славой покрыли себя 27-я пехотная дивизия генерала Д.П. Неверовского (она приняла на себя первый удар французов), только-только сформированная в Москве, и 7-й пехотный корпус генерала Н.Н. Раевского, который был отряжен для обороны города.

Современники отмечали удивительную доброжелательность суворовца генерала от инфантерии князя Багратиона по отношению к отличившимся подчиненным. Он никогда не забывал отметить их личную доблесть и распорядительность, героизм вверенных им войск, независимо от того, писал ли он рапорт государю Александру I или рассказывал о текущих

событиях, походах и битвах в частных письмах. Так, Петр Иванович отозвался и о бесстрашном защитнике Смоленска Раевском:

«Я... отрядил с 7-м корпусом генерал-лейтенанта Раевского, приказав ему всевозможно стараться во что бы то ни стало соединиться с генерал-майором Неверовским.

Раевский, удвоив марш и прошед без привалу 40 верст, соединился на рассвете 4-го числа в виду многочисленной армии, предводительствуемой самим французским императором, в 6-ти верстах от Смоленска, и хотя неприятель, узнав о следовании к Смоленску введенной мне армии, употребил все усилия, дабы до прибытия прочих войск истребить малый отряд, защищающий Смоленск, но храбрые русские воины с помощью божиею, при всей своей от продолжительного марша усталости, отражали мужественно неприятеля...

Поистине скажу, что герои наши в деле под Смоленском показали такую храбрость и готовность к поражению неприятеля, что едва ли были подобные примеры...»

Сдачу города-крепости Смоленска после кровопролитнейшей битвы за него П.И. Багратион считал ошибкой в исполнении военного министра Барклая-де-Толли. Но он был подчинен ему и потому исполнял его приказания, хотя и «кипел при этом праведным гневом». Багратион, «характеризуя» в письме московскому генерал-губернатору графу Ростопчину идущий от самого Смоленска выбор места для генеральной битвы, резюмировал:

«...По обыкновению у нас еще не решено: где и когда дать баталию? – все выбираем места, и все хуже находим».

Петр Иванович сокрушался, глядя на губернскую карту Российской империи, на которой дорога от Смоленска на Москву стала театром военных действий:

«...Теперь до самой Москвы мы не будем иметь ни воды (то есть такой водной преграды, какой у Смоленска был Днепр. – *А.Ш.*), ни позиции».

Багратион стремился к победе, как только мог. Он стал одним из инициаторов и организаторов армейского партизанского движения в тылу французов. Великая армия несла от партизан, как показала война, действительно непоправимый урон. Петр Иванович писал московскому военному генерал-губернатору Ф.В. Ростопчину о положении дел в тылу у французов:

«Смоленская губерния весьма хорошо показывает патриотизм; мужики здешние бьют французов, как свиней, где только попадают в малых командах...

Мне кажется иного способу уже нет, как не доходя два марша до Москвы всем народом собраться и что войска успеют, с холодным оружием, пиками, саблями и что попало соединиться и навалиться на них...»

Главнокомандующий 2-й Западной армией «благословил» на партизанские подвиги своего адъютанта командира 1-го батальона Ахтырского гусарского полка подполковника Дениса Давыдова. Действия этого армейского партизана на вражеских коммуникациях превзошли все ожидания тех, кто отправлял поэта-гусара Денисова на подвиги в ближние тылы наполеоновской Великой армии.

Армейское партизанство в 1812 году рождалось не спонтанно. Это был хорошо продуманный тактический ход со стороны русского командования в большой войне на собственной территории. Генерал от инфантерии П.И. Багратион, отправляя Давыдова во вражеские тылы, дал ему такую «Инструкцию»:

«Ахтырского гусарского полка господину подполковнику Давыдову.

С получением сего извольте взять сто пятьдесят казаков от генерал-майора Карпова и пятьдесят гусар Ахтырского гусарского полка. Предписываю вам употреблять все меры, беспокоить неприятеля со стороны нашего левого фланга и стараться забирать их фуражиров не с фланга его, а в середине и в тылу; расстраивать обозы, парки, ломать переправы и отнимать все способы; словом сказать, я уверен, что сделав вам такую важную доверенность, вы почтитесь доказать вашу расторопность и усердие и тем оправдаете мой выбор;

впрочем, как и на словах я вам делал мои приказания, вам должно только меня обо всем рапортовать, а более никого; рапорты же ваши присылать ко мне тогда, когда будете удобный иметь случай, о движениях ваших никому не должно ведать, и старайтесь иметь их в самой непроницаемой тайности.

Что ж касается до продовольствия команды вашей, вы должны иметь сами о ней попечение.

Генерал от инфантерии Багратион».

Багратион настойчиво убеждает и императора Александра I, и его временщика, председателя Военного департамента генерала А.А. Аракчеева, и своих знакомых при дворе, и влиятельных лиц среди генералитета в необходимости самим начать активные действия в войне. Он ратует за наступление самой большой из русских армий – 1-й Западной Барклая-де-Толли, будучи сам готов ее поддержать в этом: французов надо бить, а не отступать перед ними!

В одном из писем «понимающему его» всесильному Аракчееву в месяце июне Петр Иванович пишет с обидой за себя и за воинство России:

«...1-я армия тотчас должна идти и наступать к Вильне, непременно, чего бояться. Я весь окружен и куда продерусь, заранее сказать не могу, что бог даст, а дремать не стану, разве здоровье мое мне изменит, уже несколько дней очень (плохо) чувствую. Я вас прошу непременно наступать, как приятель, а то худо будет и от неприятеля, а может быть, и дома шутить не должно.

И русские не должны бежать. Это хуже пруссаков мы стали. Я найду себе пункт продраться, конечно, и с потерей; но вам стыдно, имевши в зад укреплённый лагерь, фланги свободные, а против вас слабые корпуса. Надобно атаковать. Мой хвост всякий день теперь в драке; а на Минск и на Вилейку мне не можно пройти от лесов, болот и мерзких дорог.

Я не имею покою, и не живу для себя, бог свидетель, рад все делать; но надобно иметь и совесть и справедливость. Вы будете отходить назад, а я все пробиваться. Ежели для того, что фигуру мою не терпят, лучше избавь меня от ярма, которое на шее моей, а пришли другого командовать, но за что войска мучить без цели и без удовольствия. Советую наступать тотчас...

...Зачем предаваться законам неприятельским, тогда когда мы можем их победить; весьма легко можно сделать приказать двинуться вперед, сделать сильную рекогносцировку кавалерией и наступать целой армией. Вот и честь и слава. Иначе, я вас уверяю, вы не удержитесь и в укреплённом лагере. Он на вас не нападет в лоб, но обойдет. Наступайте ради бога. Войско ободрится. Уже несколько приказов дано, чтобы драться, а мы бежим.

Вот вам моя откровенность и привязанность государю моему и отечеству. Если не нравится, избавьте меня, и я не хочу быть свидетелем худых последствий. Хорошо ретироваться 100–500 верст, но видно, есть злодей государю и России, что гибель нам предлагает. Итак, прощайте. Я вам все сказал, как русский русскому, но если ум мой иначе понимает, прошу в том простить».

...После соединения двух русских Западных армий отношения между их главнокомандующими совершенно разладились. Барклай-де-Толли продолжал настойчиво придерживаться своей стратегической линии в войне, Багратион же являлся приверженцем самых решительных действий в войне. Поэтому он, где только мог, и словом, и в письмах, критиковал стратегию отступления, которое вело русские войска в центр России, к Москве. В таком взаимном непонимании друг друга главнокомандующие довели свои армии до поля Бородина.

Если в их взаимоотношениях Барклай-де-Толли продолжал проявлять сдержанность, выдержку, немногословие, то Багратион давал волю своему темпераменту. Он демонстри-

ровал горячность, вспыльчивость, остроту на язык. С его «легкой руки» военного министра в разговорах между собой стали называть «Болтай да и Только».

Такая несогласованность во взглядах и мнениях двух начальствующих над армиями людей беспокоила и сановитый Санкт-Петербург, и самого государя. Не случайно Александр I отправил генералу от инфантерии Багратиону рескрипт, в котором говорилось о необходимости согласования своих действий с М.И. Барклаем-де-Толли:

«...Зная ваше усердие к службе и любовь к отечеству, я уверен, что вы, в настоящее столь важное для онаго время, отстраните все личные побуждения и, имев единственным предметом пользу и славу России, вы будете к сей цели действовать единодушно и с непрерывным согласием, чем приобретете новое право к моей признательности.

Пребываю навсегда к вам искренне доброжелательным.

Александр».

Об их натянутых до крайности взаимоотношениях были прекрасно осведомлены при дворе, в Санкт-Петербурге. Однако это никак не повлияло на мнение Чрезвычайного комитета по выбору главнокомандующего русскими армиями. Князь П.И. Багратион оказался одной из обсуждаемых в комитете фигур.

Но, думается, реально претендовать на столь «знаковый» пост и конкурировать в этом с М.И. Голенищевым-Кутузовым он не мог. Пылкость и стремление драться с врагом не могли заменить расчетливость, ум и хитрость будущего князя Смоленского, «спасителя России».

Есть мнения, что самолюбивый Петр Иванович был лично уязвлен назначением на пост главнокомандующего Голенищева-Кутузова. Он посчитал такое назначение для себя «личной укоризной». Получив высочайший рескрипт, Багратион 16 августа написал московскому военному генерал-губернатору Ф.В. Ростопчину известное свое письмо:

«Слава Богу, довольно приятно меня тешат за службу мою и единодушие: из попов да в дьяконы попался. Хорош и сей гусь, который назван и князем, и вождем! Если особенного повеления он не имеет, чтобы наступать, я Вас уверяю, что тоже приведет к вам, как и Барклай.

Я, с одной стороны, обижен и огорчен для того, что никому ничего не дано подчиненным моим и спасибо ни им, ни мне не сказали. С другой стороны, я рад: с плеч долой ответственность; теперь пойдут у вождя нашего сплетни бабьи и интриги. Я думаю, что и к миру он весьма близкий человек, для чего его и послали сюда...»

И тот же Багратион горячо приветствовал кутузовское решение наконец-то дать Наполеону сражение на поле у безвестного селения Бородино. По диспозиции 2-я Западная армия составила левое крыло боевого построения русских войск. Именно здесь император французов сосредоточил свои главные силы, чтобы прорвать у Семеновского позицию противной стороны.

Именно багратионовские полки на Бородинском поле 24 августа встретили картечными и ружейными залпами французов в схватке за выдвинутый вперед Шевардинский редут. Они героически защищали его целый день, что дало возможность русским укрепить, сколько это было возможно, свою позицию, в том числе Курганную высоту (батарею Раевского) и флеши у Семеновского.

Наполеон приказал захватить редут частью сил корпусов маршалов Даву и Мюрата, а также польского корпуса генерала Понятовского. Силы атаковавших доходили до 36 тысяч человек при огневой поддержке 194 орудий. Общая же численность багратионовских войск в начале Шевардинского боя составляла 11,4 тысячи человек при 36 орудиях.

Наполеоновские войска смогли занять редут на холме у деревни Шевардино, когда с этой высоты с наступлением темноты ушел последний русский солдат. В приказе по русской армии М.И. Голенищев-Кутузов писал:

«Горячее дело, происходившее вчерашнего числа на левом фланге, кончилось к славе российского оружия».

Более малочисленная 2-я Западная армия, чем 1-я Западная, по кутузовской диспозиции составила левое крыло. Современники из числа участников битвы прямо указывают на слабость Бородинской позиции, которую, ко всему прочему, не успели серьезно усилить в фортификационном отношении. На левом фланге флешей у села Семеновское оказались недостроенными в силу не только нехватки времени, но и того, что большая часть армейского шанцевого инструмента – лопат, кирок и прочего оказалась в войсках Барклая-де-Толли.

Можно обратиться к свидетельству известного немецкого военного теоретика и историка Карла фон Клаузевица, автора книги «1812 год». В Бородинском сражении он участвовал в чине подполковника, будучи обер-квартирмейстером 1-го резервного кавалерийского корпуса. Клаузевиц в своих воззрениях так описывает поле битвы на багратионовской позиции:

«Россия чрезвычайно бедна позициями... там, где леса вырублены, как между Смоленском и Москвой, местность плоская, без определенно выраженного рельефа, нет глубоко врезанных долин, поля... повсюду легко проходимы, селения имеют деревянные постройки, а потому малопригодны для обороны...

Поэтому, если полководец, как это было с Кутузовым, должен, не теряя времени, дать сражение... то конечно, ему приходилось мириться со многим...

Местность на левом фланге не давала особых выгод. Несколько пологих холмов высотой до 20 футов (то есть до 5–6 метров. – А.Ш.) составляли вместе с многочисленными оврагами и полосами низкорослого леса такое запутанное целое, что трудно было разобрать, какая из двух сторон могла извлечь из него наибольшую выгоду. При этом лучшая сторона позиции – правое крыло – не могла помочь делу.

Положение в целом слишком привлекало французов к левому флангу, и правый фланг не мог отвлечь на себя их силы...

Русский главнокомандующий и сам видел все эти недостатки Бородинской позиции, выбранной К.Ф. Толем, генерал-квартирмейстером 1-й Западной армии. Поэтому М.И. Голенищев-Кутузов писал императору Александру I следующее:

«Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь я исправить искусством...»

Ряд исследователей считают, что П.И. Багратион начал возведение Семеновских укреплений (флешей) и Шевардинского редута еще до рекогносцировки поля битвы, проведенной Голенищевым-Кутузовым. И что рекогносцировка левого фланга была перед этим проведена самим Петром Ивановичем.

Известно, что первоначально он отдал приказ выделить от каждого полка 2-й армии по 25 человек (землекопов) для строительства флешей. Однако стало ясно, что такого числа людей явно недостаточно. Чтобы ускорить работы, было приказано от каждой дивизии прислать еще по 500 человек, к которым добавить еще 400 ратников ополчения. 600 солдат из 27-й пехотной дивизии Д.П. Неверовского должны были заняться вязкой фашинов. Они должны были прибыть с топорами, чтобы рубить в лесу ветки.

Современники считали, что из трех полевых укреплений флешью можно было назвать только среднее укрепление. Ее возводили команды, выделенные из сводно-гренадерской дивизии М.С. Воронцова. Этой дивизии и пришлось защищать Семеновские (Багратионовские) флешей.

Два других укрепления, меньших по размерам, в исторической литературе со всей справедливостью называются или реданами, или даже люнетами. Северное укрепление воз-

водили солдаты 2-й гренадерской дивизии принца Карла Мекленбургского. Южное, у леса, – нижние чины 26-й пехотной дивизии И.Ф. Паскевича.

После схватки за Шевардинский редут и его потери позиция 2-й Западной армии фактически обратилась во фронт сражения. Правифланговая же 1-я Западная армия по ходу событий 26 августа превратилась в резерв Главной русской армии. Ко всему прочему, переброска войск с правого фланга на левый оказалась затруднена и неудобна. Все эти обстоятельства во многом стали причиной того, что багратионовская армия в день 26 августа понесла излишне большие потери, что и надо признать.

...Стороны готовились к генеральной баталии весь день 25 августа. Бой за Шевардинский редут стал для них прологом Бородинской битвы. 25-го числа генерал от инфантерии и Георгиевский кавалер П.И. Багратион отдает следующий приказ войскам 2-й Западной армии:

«Господам корпусным командирам приказать всем полкам и командам, чтобы нигде на открытых местах огней во время ночи для варения пищи разводимо не было, а старались бы помещаться в оврагах и скрытых местах.

Предписывается всем господам корпусным командирам приказать войскам иметь заготовленного провианта сухого или печеного непременно на 6 дней, которой истребовать от генерала-провиантмейстера Домбровского.

Все егерские полки сегодня ночью сменить свежими людьми, бригаду полковника Гогеля от сводной гренадерской дивизии, а 6-й и 41-й егерской от 7-го корпуса.

Егерям сим отдыхать во всю ночь, сварить каши, выпить по чарке вина, оправиться, а завтра до свету сварить опять каши, выпить по чарке вина, набрать патронов и непременно пред светом опять прежние места занять. Войскам же от сводной гренадерской дивизии и от 7-го корпуса посылаемым, войти также в свои места.

Всей армии варить каши, но ночью быть весьма осторожну на случай нападения от неприятеля.

Резервы иметь сильные и сколько можно ближе к укреплениям как батарейным, так и полевым.

Рекомендуется гг. начальникам войск употребить все меры, чтобы завтра к свету люди поели каши, выпили по чарке вина и непременно были во всей готовности».

Багратион, как воитель опытный и много знающий о солдатском быте, этим приказом проявил заботу о том, чтобы солдаты перед битвой были сыты и хорошо, приняв чарку «белого вина», выпались. И одновременно он приказывал командирам сделать все возможное, чтобы сохранить скрытность позиционного расположения армии на поле Бородина.

...Главкомандующий 2-й армией лично возглавил в день 26 августа 1812 года защиту Семеновских флешей, которые вошли в отечественную историю как Багратионовские fleши. То есть князь Багратион по своей воле оказался на самом огнедышащем участке позиции своей армии. Иначе поступить он не мог.

Наполеон почти непрерывно атаковал эти русские полевые укрепления большими силами, особенно тяжелой кавалерией. Он бросил против защитников флешей самый мощный корпус Великой армии маршала Л.-Н. Даву, корпус маршала М. Нея и кавалерию короля Неаполитанского маршала И. Мюрата (корпуса генералов Нансути и Латур-Мобура), которая составила вторую линию. Французы первоначально атаковали при поддержке 130 орудий генералов Сорбье и Пернюттю. Эти силы готов был подкрепить польский корпус Понятовского.

Сражение, начатое этими наполеоновскими корпусами, постепенно притягивало с каждой из сторон на русский левый фланг все больше сил. В кутузовском донесении о произошедшем сражении рассказывается, как разворачивались события на «левом нашем крыле»:

«Князь Багратион, видя умножение неприятеля, присоединил к себе 3-ю пехотную дивизию под командою генерал-лейтенанта Коновницына и сверх того вынужден был употребить из резерва 2-ю гренадерскую дивизию под командою генерал-лейтенанта Бороздина, которую он и поставил уступами противу левого крыла за деревнею, а левее от оной три полка 1-й кирасирской дивизии и всю 2-ю кирасирскую дивизию».

Атаки превосходящих сил неприятеля 2-я Западная армия с самого начала сражения отражала с честью. В этом была немалая заслуга самого генерала от инфантерии князя П.И. Багратиона, руководившего боем. К.И. Толь, как один из самых авторитетных «самовидцев» генерального сражения Отечественной войны 1812 года, так описывает события начала дня 26 августа на левом фланге русских:

«Артиллерия и пехота наша, выждав хладнокровно неприятеля на ближний картечный выстрел, открыли по нем сильный огонь. Поражение неприятельских колонн не остановило их стремление, они бросились в интервалы между батарей в намерении взять в тыл оные, но сводные гренадерские батальоны, сомкнутые в колонны и подкрепленные полками 27-й дивизии, ударив в штыки на неприятеля, почти вконец его истребили».

Семеновские флеши несколько раз переходили из рук в руки. Ров перед ними был доверху заполнен убитыми и ранеными. Массированным артиллерийским огнем полевые укрепления, к тому же недостроенные, оказались фактически разрушенными, и к концу сражения фортификационного сооружения на поле битвы из себя уже не представляли.

Император французов, по свидетельствам очевидцев, был буквально взбешен неудачами атак на флеши. Около 12 часов он приказал в восьмой раз штурмовать укрепления. Тогда 18 тысячам русских солдат при 300 орудиях на фронте всего в полтора километра Бонапарт противопоставил 45 тысяч своих солдат и 400 орудий. Русские встретили атакующего врага картечными залпами и ударами в штыки.

В самый разгар борьбы за флеши у Семеновского (по уточненным данным – в 9 часов 30 минут) главнокомандующий 2-й Западной армией князь П.И. Багратион получил тяжелое ранение осколком неприятельской гранаты («черепком чиненой гранаты») в левую ногу с раздроблением кости. Он еще пытался отдавать приказы, но силы быстро покидали его. Очевидец этого князь Н.Б. Голицын писал:

«Когда его ранили, он, несмотря на свои страдания, хотел дожидаться последствий командованной им атаки второй кирасирской дивизии и собственными глазами удостовериться в ее успехе: после этого, почувствовав душевное облегчение, он оставил поле битвы...»

Согласно медицинскому донесению, князь П.И. Багратион «получил рану на середине берцовой кости левой ноги, причиненную черепком чиненого ядра». Рана «...с первого взгляда казалась неважною, поелику наружное малое отверстие оной скрывало раздробление берцовой кости и повреждение кровеносных сосудов и нервов».

Первая перевязка на поле боя была «простой». При повторной перевязке главный медицинский инспектор Яков Виллие «рану несколько расширил и вынул из оной малый отломок кости». Тяжелые условия эвакуации привели к тому, что неполный перелом перешел в полный. Гипсовые повязки тогда еще не вошли в широкую врачебную практику.

...Генерал А.П. Ермолов, на глазах которого разворачивалась драма Бородинской битвы у Семеновских флешей, в своих «Записках» так описывает ситуацию, когда истекающие кровью, поредевшие войска 2-й Западной армии «сразила» весть о смертельном ранении любимого всеми суворовца «князя Петра»:

«Главномкомандующий князь Багратион, одушевляя войска, идущие вперед, своим присутствием, чувствует себя пораженным и, избегая вредного действия на дух боготворящих его войск, скрывает терзающую его боль, но, ослабевая от истекающей крови, в глазах их едва не упадает с лошади.

В мгновение пронесся слух о его смерти, и войска невозможно удержать от замешательства. Никто не внемлет грозящей опасности, никто не брежет (не беспокоится) о собственной защите: одно общее чувство – отчаяние!

Около полудня 2-я армия была в таком состоянии, что перемены некоторые части ее не иначе, как отдавая на выстрел, возможно было привести в порядок...»

Думается, что даже сам полководец Голенищев-Кутузов не представлял себе в разгар сражения цену потери Багратиона. Узнав о ранении князя, он послал на левый фланг генерала от кавалерии герцога Александра Вюртембергского. Это был родственник императрицы, немецкой принцессы, который с началом войны состоял сперва при штабе 1-й Западной армии, затем – при штабе Главной армии. Герцогу Голенищевым-Кутузовым было сказано, «чтобы он осмотрел, что там происходило, и донес бы ему об оном».

Александр Вюртембергский по прибытии на позицию 2-й Западной армии был «сражен» увиденным у деревни Семеновское. Не имея на то права, он «приказал войскам отступить». Можно только представить состояние тех командиров корпусов, дивизий и полков, многие из которых были переранены или замещали выбывших из строя старших начальников, когда они слышали из уст герцога такой приказ. Заменить Багратиона уже спешил Коновницын.

Когда М.И. Голенищев-Кутузов узнал об этом, он послал за герцогом нескольких адъютантов, «начал громко и при всех поносить его самыми бранными словами». Когда же Вюртембергский возвратился в Главную штаб-квартиру, то услышал «в самых учтивых выражениях» просьбы главнокомандующего, «чтобы он от него во время сражения не отъезжал, потому что советы его высочества были для него необходимы».

Говоря иными словами, будь герцог назначенным на место П.И. Багратиона, то тяжелое ранение Багратиона могло бы весьма плачевно обернуться для всей русской армии. Оставление в разгар боя позиции по приказу Александра Вюртембергского хотя бы частью 2-й армии могло привести, скорее всего, к непоправимым последствиям.

...С Бородинского поля тяжело раненного полководца увезли в Москву, а оттуда, по его желанию, в имение Симы Владимирской губернии. Имение принадлежало его другу князю Б.А. Голицыну, у которого Багратион в гостях бывал не раз. Император Александр I пожаловал генералу 50 тысяч рублей (то были по тому времени большие деньги) на излечение.

На 13-е сутки после ранения была произведена операция, на проведение которой в Москве Петр Иванович своего согласия лечащим врачам не дал. В ходе ее выяснилось, что имеет место «совершенный перелом и раздробление берцовой кости...

Гнойной и вонючей материи с примесью некоторых инородных тел, волокон сукна и холстины вышло из раны чрезвычайное количество, и рана представлялась на взгляд весьма глубокою, с повреждением важных кровеносных сосудов и чувствительных нервов».

На 15-е сутки встал вопрос об ампутации пораженной конечности. Багратион категорически отказался от нее. Когда же он согласился на спасительную для него операцию, оперировать было уже слишком поздно.

Здесь, в Симе, полководец вскоре ушел из жизни: причиной смерти стала гангрена. (Сегодня специалисты-медики утвердительно говорят о том, что тяжело раненного можно было спасти.) Вне всякого сомнения, это стало большой утратой для Русской армии.

...Генерал от инфантерии князь Петр Иванович Багратион был награжден: орденами Святого Андрея Первозванного, Святого Георгия 2-й степени, Святого Владимира 1-й, 2-й и 4-й (с бантом) степеней, Святого Александра Невского с алмазными знаками, Святой Анны 1-й степени, Святого Иоанна Иерусалимского с алмазными знаками, золотым Очаковским крестом, золотой шпагой «За храбрость» с алмазами.

Из иностранных орденов полководец был пожалован австрийским Марии Терезии 2-й степени, сардинским Святых Маврикия и Лазаря, прусскими Черного Орла и

Красного Орла. Первых двух орденов он удостоился за кампанию 1799 года, два других – за кампанию 1807 года.

Князь П.И. Багратион был женат на графине Екатерине Павловне Скавронской, породнившись таким образом по линии императрицы Екатерины I с династией Романовых. От этого брака детей не было.

Император Александр III, чтивший память героев Отечественной войны 1812 года, дал имя генерала от инфантерии князя П.И. Багратиона 104-му пехотному Устюжскому полку.

...Петру Ивановичу Багратиону через 27 лет после смерти суждено было вернуться на Бородинское поле. По инициативе одного из популярнейших героев Отечественной войны 1812 года гусарского поэта-партизана, генерала Д.В. Давыдова прах Багратиона был торжественно перенесен из церкви села Симы на поле битвы, где он был захоронен на Курганной высоте (на батарее Раевского) у подножия памятника (Главного монумента) героям Бородине.

В советское время, в 1932 году, могилу «царского» генерала взорвали. Вместе с ней был уничтожен и Главный монумент Бородинской битвы, украшавший собой одно из самых славных в отечественной истории для русского оружия поле битвы. Восстановлены же были Главный монумент и багратионовская могила у его подножия в прежнем виде в 1987 году.

О русском полководце, герое Бородине, вновь вспомнили (и не только о нем) после 1917 года и стали его прославлять только во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Была даже идея учредить орден Багратиона и изготовлены его эскизы, но Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин, подумав, не согласился с таким предложением.

Но тот же Сталин в ходе войны с гитлеровской Германией и ее сателлитами предложил назвать операцию по освобождению Белоруссии «Багратион».

В тяжелую для советского народа годину имя П.И. Багратиона снова стало «на слуху». В ходе Великой Отечественной войны о полководце-суворовце писались такие знаменательные строки:

«В тесном боевом содружестве народы Советского Союза ведут ожесточенную борьбу с озверелыми немецко-фашистскими бандами. Образ Багратиона, талантливого русского полководца, верного сына своей родины, храброго ее защитника, особенно дорог советскому народу. Грузин родом, он не раз доказал на поле боя сыновнюю преданность России, ставшей для него второй родиной. Память о Багратионе живет в боевых традициях, хранимых Красной Армией».

...Сегодня имя генерала от инфантерии князя П.И. Багратиона известно не только в России. Его именем назван город Багратионовск (бывший Прейсиш-Эйлау) в Калининградской области, малая планета, открытая в 1973 году советскими астрономами, краеведческий музей в городе Кизляре (Дагестан), военно-исторический музей в городе Волковыске (Белоруссия).

В столичной Москве именем полководца названы станция метро «Багратионовская», проезд и пешеходный мост через реку Москва. При выходе с моста на Кутузовский проспект в 1999 году был открыт конный памятник П.И. Багратиону. Другой ему памятник был установлен в 1984 году в Тбилиси.

Михаил Барклай-де-Толли

В истории грозы 12-го года фигура полководца М.Б. Барклая-де-Толли с его отступательной стратегией по сей день вызывает жаркие споры исследователей и любителей отечественной военной истории. Его личность в самых разных тонах и полутонах изображалась и продолжает изображаться во многих исторических воззрениях на ход Отечественной войны 1812 года, в серьезных исследовательских трудах и публицистике, в романах на протяжении почти двух столетий.

Вызывают дискуссии как сама личность Барклая-де-Толли, так и его поистине волевые действия в ходе нашествия наполеоновской Великой армии на Россию. Можно привести, к примеру, слова великого поэта А.С. Пушкина из его «Писем последних лет. 1834–1837»:

«Стоическое лицо Барклая есть одно из замечательнейших в нашей истории. Не знаю, можно ли вполне оправдать в отношении военного искусства, но его характер останется вечно достоин удивления и поклонения».

...Первый российский военный министр родился 13 декабря 1757 года имени Памушисе, севернее Шавли, в Речи Посполитой. Он происходил из древнего шотландского рода, известного с конца XI столетия. Его предки в 1621 году переселились из Шотландии в немец-

кий город Росток на Балтике, откуда Барклаи в 1664 году перебрались в город Ригу. С первой половины XVIII века они состояли на русской службе.

Отцом будущего полководца был отставной поручик Вейнгольд Готтард Барклай-де-Толли, человек лично небогатый. Мать – Маргарита Елизавета, урожденная фон Смиттен. Ее отец был перновским ландрихтером. Семья исповедовала лютеранство. Воспитывался же будущий полководец России с трехлетнего возраста в семье родной сестры своей матери. Ее муж – бригадир Е.В. фон Вермелен служил под знаменами генерал-фельдмаршалов П.С. Салтыкова и П.А. Румянцева-Задунайского, отличился в Семилетней войне.

Так что город на Неве стал родным для М.Б. Барклая-де-Толли. В семье дяди, который считал племянника за приемного сына, он получил хорошее по тем временам домашнее образование: знал русский, немецкий и французский языки, арифметику и фортификацию, увлекся военной историей. В семье Вермеленов ему привили трудолюбие, дисциплинированность, патриотизм и христианские духовные ценности.

Когда Барклаю-младшему (Михаэлю Андреасу) еще не было и десяти лет, дядя записал племянника на службу в Новотроицкий кирасирский полк гефрейт-капралом. Пока недоросль дома познавал науки, он в двенадцать лет получил производство в вахмистры. Действительная служба же для 19-летнего дворянина началась в 1776 году в кавалерии, в Псковском карабинерном полку, квартировавшем в Прибалтике. Через два года получает первый офицерский чин корнета.

В мирное время служба у Михаила Барклая-де-Толли ладилась. В 1783 году он назначается с чином подпоручика адъютантом к командиру Лифляндской дивизии генерал-майору Р.Л. Паткюлю. Через три года получает чин поручика и переводится в 1-й батальон Финляндского егерского корпуса. Через два года хождения в егерях становится капитаном. Егерские войска – легкая армейская пехота при императрице Екатерине II только-только становилась частью русской армии. Отбор в ней изначально был достаточно строгий и требовательный.

Боевое крещение офицер получил во Второй екатерининской турецкой войне 1787–1791 годов, при длительной осаде и в быстротечном штурме Очакова, последней твердыне Османской Порты в Северном Причерноморье. В Екатеринославскую армию фаворита Г.А. Потемкина он попал как генерал-адъютант генерал-поручика принца Виктора Амадея Ангальт-Бернбургского (Бернбург-Шаумбургского).

Во время Очаковского приступа 6 декабря 1788 года принц Ангальт-Бернбургский вместе со своим адъютантом находился при 2-й штурмовой колонне. При этом принц по диспозиции, утвержденной главнокомандующим генерал-фельдмаршалом Г.А. Потемкиным, исполнял обязанности частного начальника 1-й и 2-й колонн. Перед началом генерального приступа Барклай-де-Толли вместе со своим генералом участвовал в рекогносцировке турецкой крепости, изучая подходы к ней со стороны русского осадного лагеря.

Принц в ходе приступа лично возглавил 2-ю колонну, когда та бросилась на штурм вражеского ретраншемента. Взяв его в кровавой рукопашной схватке, колонна «кинулась» к Стамбульским воротам крепости, которые защищались янычарской пехотой. Турки защищались отчаянно, с участью обреченных, не сдаваясь и отказываясь от пощады. Штурмующие ворвались в саму крепость по трупам своих и врагов, наполнившим крепостной ров на всю его трехсаженную глубину.

В день штурма и взятия турецкой крепости за отличие Михаил Барклай-де-Толли производится в чин секунд-майора. С орденом его «обошли», но вскоре императрица порешила наградить таких «обойденных» офицеров золотым Очаковским крестом на Георгиевской ленте, приравненным к ордену Святого Георгия 4-й степени.

Через два года М.Б. Барклай-де-Толли переводится в Изюмский легкоконный полк с оставлением в звании дежурного майора при принце Ангальт-Бернбургском. Отличается в кампании 1789 года: участвовал в сражении против турок при Каушанах (командовал отря-

дом конных егерей, во взятии Аккерманской крепости и занятии более сильной крепости Бендеры).

В апреле 1790 года принц Ангальт-Бернбургский покидает Причерноморье и отправляется на новую для себя войну со Швецией. Барклай-де-Толли вновь оказался вместе с ним. Воевать пришлось в Финляндии, среди лесов и бесчисленных озер и небольших рек, в условиях бездорожья, когда сама природа создавала для людей укрепленные рубежи и труднопреодолимые препятствия. Барклай-де-Толли участвует в деле при деревне Керникоски, в котором принц получает смертельное ранение.

Сменивший принца генерал И.А. Игельстром способного дежурного офицера своего предшественника оставил при себе. Он уже был наслышан о нем и видел секунд-майора в деле.

Интересен такой факт: умирая, принц Виктор Амадей Ангальт-Бернбургский подарил свою шпагу Барклаю-де-Толли. Его военное дарование он оценил в числе первых. Этот жест умирающего от потери крови военачальника стал известен для истории Российской императорской армии. Примечательно, что будущий военный министр и генерал-фельдмаршал всегда держал ее при себе, никогда не расставаясь с таким «знаковым» подарком. С этой шпагой он въехал в побежденный Париж, с нею был похоронен.

Такой подарок был не случаен. Видевший Михаила Богдановича «в службе» генерал-фельдмаршал князь Н.В. Репнин, один из самых прославленных екатерининских полководцев, впоследствии отзовется о нем такими пророческими словами:

«Меня уже не будет на свете, но пусть вспомнят мои слова: этот генерал много обещает и далеко пойдет».

В том же году тот получает за боевые отличия на земле Финляндии производство в премьер-майоры, переводится в Тобольский пехотный полк с оставлением дежурным майором при Игельстроме. В 1791 году Барклай-де-Толли впервые получает строевую командную должность: он назначается командиром батальона вновь сформированного Санкт-Петербургского гренадерского полка, показав себя умелым воспитателем нижних чинов.

Происходят изменения и в личной жизни Барклая-де-Толли. Он женится: его избранницей стала кузина Елена Ивановна (Елена Августа Элеонора), как и мать, урожденная Смиттен, дочь перновского ландрихтера. Супруга, тоже исповедовавшая лютеранство, принесла мужу с приданным небольшое поместье Бекгоф в Фелинском уезде Лифляндской губернии.

В следующем 1792 году полк походным порядком отправляется в Польшу, в которой вызрели тревожные для империи события. В июне гренадеры квартируют в Вильно, а оттуда отправляются на зимние квартиры в Гродно.

Когда в апреле 1794 года вспыхнуло восстание в Варшаве, полку, в котором служил М.Б. Барклай-де-Толли, ставится задача взять Вильно. После его штурма батальонный командир, произведенный в подполковники, отличается в боях с отрядом полковника Грабовского, который начал движение к российской границе. Польские повстанцы терпят поражение, а их начальник вскоре попадает в плен.

Гренадерский полк возвращается на постой в Гродно. Барклай-де-Толли жалуется в Георгиевские кавалеры, будучи награжден Военным орденом 4-й степени.

В том же году следует перевод в Эстляндский егерский корпус командиром его 1-го батальона. В 1797 году батальон разворачивается в 4-й егерский полк (с 1801 года – 3-й егерский полк). Барклай-де-Толли сперва был его командиром, а затем назначается шефом, «сколачивает» полк в полноценную боевую единицу и через год получает чин полковника. В 1799 году 41-летний полковой командир за отличную подготовку своих егерей производится в генерал-майоры.

За девять лет успешного командования егерским полком пехотный генерал приобрел большой опыт и проявил незаурядные способности, которые не остались незамеченными.

...Когда началась Русско-австро-французская война 1805 года, Барклай-де-Толли командовал бригадой в армии генерала Л.Л. Беннигсена и не успел к сражению 20 ноября под Аустерлицем. Следует возвращение в пределы России.

Затем начинается Русско-прусско-французская война 1806–1807 годов. В первой ее кампании генерал-майор М.Б. Барклай-де-Толли командует отдельным передовым отрядом, защищавшим от французов берег Вислы, а затем возглавляет авангард русской действующей армии.

Противники в тех боях на земле Восточной Пруссии были у него знатные. Пришлось выдержать и яростную атаку прославленного победами наполеоновского маршала Жана Ланна. И вместе с подошедшими войсками генерала Сакена в ходе контратаки опрокинуть дивизию генерала Гюдена. И вести упорный двухдневный бой с авангардом корпуса маршала империи Пьера Ожеро на речной переправе через Вкру.

14 декабря командовал первой линией правого фланга русской армии в сражении под Пултуском. В ходе сражения французам так и не удалось выйти в тыл противнику и отрезать русскую армию от переправ через реку Нарев. Во многом это была заслуга егерской пехоты. Д.М. Бантыш-Каменский так описывает эту страницу биографии Барклая-де-Толли, который:

«...На кровопролитном Пултуском сражении находился впереди правого фланга нашего с тремя егерскими полками, Тенгинским мушкетерским и Конно-польским.

Тщетно маршал Ланн силился отрезать сообщение правого фланга с частью корпуса Графа Буксгевдена: Барклай-де-Толли мужественно выдержал стремительное нападение французских колонн, но, по мере усиления их, принужден был податься несколько назад; потом, поддерживаемый батареею, поставленною в кустарниках, ударил в штыки, опрокинул и отбил отнятыя пушки.

Французы возобновили нападение с большим ожесточением: Барклай-де-Толли снова отступил; но, подкрепленный мушкетерскими полками, Черниговским и Литовским, напал на неприятельские колонны с примкнутыми штыками, произвел в оных ужасное кровопролитие и много содействовал к одержанию победы...»

Наградой генерал-майору и шефу 3-го егерского полка за начальственную распорядительность и примерное мужество на поле брани стал второй по счету Военный орден Святого Георгия, но уже 3-й степени.

При отступлении армии от Пултуска Барклай-де-Толли командовал арьергардом в сражениях 21 января 1807 года при Ауштедте, 22 января под Янковым и 24 января при Гоффе (ныне Дворжно, Польша).

В последнем случае его отряд, заняв позицию на правом берегу реки Алле, начал жаркий бой с подошедшими французами. В дело вступили войска корпусов маршалов Даву и Сульта, а к Гоффе прибыл сам император Наполеон. Русский отряд, потеряв свыше половины своего состава, более суток стойко сражался на арьергардной позиции.

Когда по окончании Русско-прусско-французской войны 1806–1807 годов два императора – России и Франции встретятся для переговоров в пограничном городе Тильзите, стоящем на Немане, Наполеон спросит Александра I:

– Кто тот генерал, который целый день сдерживал моих солдат у польской деревушки Гофф?

– Генерал Барклай...

25-го числа арьергард выдержал сильный бой с напиравшими на него французами, что позволило Главной армии сосредоточиться за Прейсиш-Эйлау и подготовиться к битве.

В сражении при Прейсиш-Эйлау Барклай-де-Толли был тяжело ранен «пулею в правую руку выше локтя с раздроблением кости». В бессознательном состоянии он был вынесен из боя под вражеским огнем унтер-офицером Изюмского гусарского полка Сергеем Дудни-

ковым, который позднее за этот поступок был награжден Знаком отличия Военного ордена (Георгиевским крестом).

Генералу пришлось покинуть театр военных действий. Был сперва отправлен на лечение в столицу Восточной Пруссии город Кенигсберг, а затем в Мемель, где остановился на частной квартире. Сюда к нему приехала жена с приемной дочерью Каролиной. Лечение длилось долгих пятнадцать месяцев. Врачи извлекли из раны более сорока (!) обломков костей.

Император Александр I, будучи в Мемеле, в конце марта 1806 года посетил тяжело раненного генерала. Можно утверждать, что это свидание положило начало стремительному возвышению Михаила Богдановича по карьерной лестнице военного человека. Государь тогда же поручил излечение раненого придворному врачу – «медицинскому инспектору» Я.В. Виллие.

За отличие в битве при Прейсиш-Эйлау следует пожалование чином генерал-лейтенанта, что «давало виды» на будущее. Русско-пруско-французская война показала полководческие задатки Барклая-де-Толли.

Свое полководческое дарование М.Б. Барклай-де-Толли «утвердил» в сознании своих коллег по оружию и венценосца Александра I в ходе Русско-шведской войны 1808–1809 годов. В апреле 1807 года он назначается командиром 6-й пехотной дивизии, штаб которой находился в Минске. В начавшейся кампании 1808 года дивизия на первых порах оказалась в резерве. В апреле состоялось назначение командующим отдельным передовым корпусом, действовавшим на территории шведской Финляндии.

«Слава ожидала его в Финляндии» – так потом напишут о Барклае-де-Толли. Действительно, именно здесь о нем заговорили как о «состоявшемся» большом военачальнике. Его талант самостоятельного ведения военных операций показали первые бои со шведами у кирхи Йорос.

Неприятель под напором русского корпуса отступает, без боя сдав важный по местоположению город Куопио и Совалакскую область. Барклай-де-Толли закрепиться здесь не успевает. Оставив в городе небольшой гарнизон, он 8 июля с отрядом выступает на соединение с остатками 5-й дивизии генерала Н.Н. Раевского.

Но 11 июля корпусной командир получает тревожное известие: шведы в больших силах напали на гарнизон Куопио. Барклай-де-Толли с большей частью своих сил возвращается в город и 18-го числа разбивает близ него вражеский морской десант.

На этом его участие в кампании 1808 года прекращается. Тяжело заболевший генерал был вынужден уехать в Санкт-Петербург. В столице стал участвовать в заседаниях Военного совета. Выздоровев, М.Б. Барклай-де-Толли вновь отправляется в Финляндию: в феврале 1809 года следует назначение командиром так называемого «Вазского» корпуса, предназначенного к переходу через Ботнический залив на территорию Швеции. Получив назначение, он сразу же выезжает в Або, а оттуда – в Вазу.

Для перехода по льду Ботнического залива через пролив Кваркен шириной в 100 километров составляется войсковая колонна: 3 тысячи человек при 8 полевых орудиях. Свое движение к берегам собственно Швеции она начала из города Вазы. Замерзший Кваркен таил в себе многие опасности: «Ибо Кваркен зимою наполнен огромными полыньями и трещинами во льду, прикрываемыми наносимым снегом».

Выступив в поход 7 марта, русские войска 10-го числа вышли к берегам противного государства. Шведы, не принимая боя, почти всюду уходили от столкновения без пальбы. Бежала прочь с побережья близ Умео и большая часть местных жителей. Колонна Барклая-де-Толли без боя занимает город. В Стокгольме начинается паника: война пришла из Финляндии на территорию Швеции. Воинствующий король Густав лишился престола.

Пробыв в Умео несколько дней, русский экспедиционный отряд 15 марта двинулся в обратный путь, к берегу Финляндии, в Вазу. В донесении императору Александру I корпусной начальник скажет о переходе через Кваркен такие примечательные слова:

«...Понесены были труды, единственно русскому преодолеть возможные».

Одновременно с этим рейдом проводился и другой подобный: корпус генерала П.И. Багратиона совершил переход по льду на Аландские острова. Эта смелая «двойная» операция русского командования поставила Швецию в безвыходное положение, и та заключила мир с Россией, отказавшись от всяких притязаний на Финляндию.

За успешный зимний переход через Ботнический залив М.Б. Барклай-де-Толли 20 марта 1809 года вместе с П.И. Багратионом производится в генералы от инфантерии. Теперь он, кавалер многих орденов, входит в круг высшего генералитета Российской империи. Возраст позволял ему видеть перспективу в армейской службе.

Война со Швецией победно завершилась. Часть армейских сил выводится с театра военных действий. В мае новоиспеченный полный пехотный генерал назначается главнокомандующим Финляндской армией и финляндским генерал-губернатором. В должностной иерархии Российской империи это были, в силу близости к столице, посты большой важности.

В мае 1809 года император Александр I пожаловал супруге М.Б. Барклая-де-Толли – Елене Августе Элеоноре, урожденной фон Смиттен, за военные заслуги ее мужа орден Святой великомученицы Екатерины. Так жена полководца стала Кавалерской дамой, получив право часто бывать при дворе.

Когда Александр I решил посетить Финляндию, эту часть территории Российской державы, примыкавшую к городу на Неве, то Барклай-де-Толли сопровождал государя в поездке из Борго в крепость Свеаборг.

Император получил хорошую возможность лично познакомиться со своим верноподданным, полководческая звезда которого стала восходить к зениту славы. Современники считали Александра I Павловича человеком осторожным, но достаточно проницательным. Поэтому монарх редко ошибался в людях, которых вводил в свое окружение.

К тому времени в России с 1802 года уже действовала система министерского управления. Вскоре после Тильзитского мира 1809 года в Европе стала все яснее ощущаться угроза нового столкновения империи Романовых с наполеоновской Францией. Временщик генерал от артиллерии А.А. Аракчеев, человек лично жестокий, оказался не способен к подготовке военной силы России к новой большой войне, и государь решил заменить его более деятельным и знающим человеком.

Но при этом император Александр I постарался не обидеть своего фаворита. Граф Аракчеев был назначен председателем Департамента военных дел Государственного совета. И получил в подарок пару прекрасных лошадей с санями – настоящим произведением искусства. Только воцарение Николая I в 1825 году положило конец всемогуществу временщика...

20 января 1810 года генерал от инфантерии Михаил Богданович Барклай-де-Толли назначается главой Министерства военно-сухопутных сил, оставаясь им до сентября 1812 года. По должности своей военный министр становился членом Сената и Государственного совета.

Считается, что сановитый Санкт-Петербург воспринял это назначение достаточно холодно, и даже отчасти враждебно. Михаил Богданович смотрелся для него человеком без связей и покровителей. Да и к тому же сделавший всего за четыре года головокружительную карьеру от генерал-майора до полного генерала (генерала от инфантерии). И «поломавшего порядок старшинства» в генералитете.

...Новому главе Военного министерства на первых порах пришлось заниматься собственными штатами. При Барклае-де-Толли прекратила свое существование Военная кол-

легия, которая вела свое начало с эпохи царствования Петра I Великого. Теперь всеми военными делами на суше ведало министерство.

Как военный министр М.Б. Барклай-де-Толли проделал огромную работу в преддверии вторжения Великой армии императора французов Наполеона I Бонапарта в Россию. Его деятельность получила название военных реформ 1810–1812 годов. Но это было не просто наращивание военной силы государства перед быстро растущей внешней угрозой. На одном из первых докладов государю Михаил Богданович обратил его внимание на слабую защищенность западной границы России.

Можно считать, что Михаил Богданович еще до занятия поста военного министра имел четкое, собственное видение предстоящей войны России с наполеоновской Францией, которая была «уже не за горами». Через месяц после своего назначения, в феврале, он представил государю доклад «О защите западных пределов России». Военный министр предлагал войну вести оборонительную в междуречье Западной Двины и Днепра.

Возглавив Военное ведомство, Барклай-де-Толли провел ряд мероприятий по военно-экономической подготовке государства к предстоящей большой войне на континенте, совершенствованию системы органов военного управления и подготовки войск, как полевых, так и гарнизонных.

Министерство при нем было разделено на семь департаментов: Артиллерийский, Инженерный, Инспекторский, Аудиторский, Комиссариатский, Провиантский и Медицинский. «Петровская» Военная коллегия как дублирующий департаменты орган была упразднена. При министерстве были образованы Совет, канцелярия, создан Военно-ученый комитет из бывшего Артиллерийского военно-ученого комитета и Военно-топографического депо.

Новый глава Военного сухопутного ведомства трудился во имя Отечества добросовестно и продуктивно. Было подготовлено издание «Учреждения для управления большой действующей армией», в котором определялись права и обязанности высших армейских начальников и штат полевого штаба.

«Учреждение», изданное незадолго до Отечественной войны 1812 года, частично заменяло собой устаревший «Устав воинский» 1716 года, которым русская полевая армия руководствовалась с Петровских времен (и не без успеха) 96 лет (!).

Согласно «Учреждению», командование русской действующей армией вверялось главнокомандующему, давало ему неограниченную власть над войсками. Он «представлял лицо» императора и «облекался властью Его Величества».

Присутствие государя на театре войны автоматически слагало с главнокомандующего «начальство» над полевой армией. Однако в таких случаях полководец «мог остаться при своей власти», если был на то соответствующий высочайший приказ.

Создание «Учреждения для управления большой действующей армией» 1812 года – самая большая заслуга М.Б. Барклая-де-Толли на посту военного министра России. Этот документ обобщал многолетний отечественный боевой опыт и учитывал достижения буржуазной военной системы.

Вводятся другие документы, регламентирующие жизнедеятельность армии: «Наставление гг. пехотным офицерам в день сражения», «Общий опыт тактики», «Воинский устав пехотной дивизии», «Общие правила для артиллерии в полевом сражении», «Начертание на случай военных ополчений».

Военный министр, добившись на то высочайшего указа, ввел в русской армии корпусную организацию, что делало ее в тех условиях более мобильной, маневренной и лучше управляемой в мирное и военное время. В преддверии войны с Францией численность русской армии была заметно увеличена, заблаговременно были подготовлены резервы. Был

сформирован лейб-гвардии Московский полк. В приграничной полосе строились новые крепости.

В 1810 году русская армия (полевые, крепостные и гарнизонные войска) состояла из 437 пехотных батальонов и 399 кавалерийских эскадронов. В 1811 году в ее составе значилось уже 498 батальонов пехоты и 409 эскадронов кавалерии, не считая 97 гарнизонных батальонов.

По состоянию на 1 января 1812 года в полевых войсках, то есть в рядах действующей армии, насчитывалось: в пехоте – 201 200 человек (215 батальонов), в регулярной кавалерии – 41 685 человек (41 полк), в артиллерии – 36 500 человек.

Благодаря усилиям Военного ведомства, то есть по исполнению начинаний генерала от инфантерии М.Б. Барклая-де-Толли на посту его главы, к концу 1812 года численность сухопутных сил Российской империи была доведена до 975 тысяч человек, в том числе в полевых войсках было 815 тысяч человек, в гарнизонных – 60 тысяч человек и в иррегулярных – около 100 тысяч человек.

Для увеличения численности вооруженных сил (армии) в предвоенный период по предложению военного министра было проведено несколько внеочередных рекрутских наборов. В 1811 году – один, из расчета 4 рекрута с 500 «душ мужского пола». Эти рекруты направлялись в города Ярославль, Кострому, Владимир, Рязань, Тамбов и Воронеж. В каждом из них формировалось по два пехотных полка, составивших две дивизии. До начала войны они успели влиться в состав полевой действующей армии.

В военном 1812 году было осуществлено три рекрутских набора в сухопутные войска. Под ружье было поставлено более двух процентов дееспособного мужского населения российских деревень. Эти три набора 1812 года дали 1227 тысяч рекрутов. В том же году, кроме того, набиралось государственное ополчение численностью около 200 тысяч человек.

Благодаря усилиям российского Военного министерства в рамках подготовки государства к войне с наполеоновской Французской империей и ее союзниками в марте 1812 года в полевых войсках имелось:

в пехоте – 6 гвардейских полков, 14 гренадерских, 96 пехотных, 50 егерских (легкой пехоты), 4 морских (морской пехоты); всего пехота насчитывала в своих рядах 365 тысяч человек (в это число входили 4 тысячи пионеров, или саперов).

В кавалерии – 6 гвардейских, 8 кирасирских, 36 драгунских, 5 уланских и 11 гусарских полков, при этом общая численность регулярной кавалерии составляла 76 тысяч человек; существовала еще и более многочисленная иррегулярная легкая конница – казачья и национальных формирований (башкирских, калмыцких, тептярей и других).

Часть казачества не могла принять участие в Отечественной войне 1812 года, поскольку была задействована для службы на пограничных укрепленных линиях – Кавказской, Оренбургской и Сибирской. Это относилось прежде всего к таким казачьим войскам, как Кавказское линейное (располагалось на Северном Кавказе по правому берегу реки Кубань и левому берегу реки Терек), большей части Уральского и Оренбургского, а также к сибирским казакам.

Полевая артиллерия русской армии насчитывала 40 тысяч человек при 1620 орудиях (различных систем и калибров), из которых в 5 гвардейских артиллерийских ротах числилось 60 орудий, в полевых батарейных и легких артиллерийских ротах – по 648 орудий и в конно-артиллерийских ротах – 264 орудия.

Все это свидетельствовало об административных способностях М.Б. Барклая-де-Толли на посту военного министра. В будущем немногие главы российского Военного ведомства могли проделать в короткий, всего двухлетний срок подобный огромный объем организационных работ. России же после войн с наполеоновской Францией пришлось участвовать еще в десятке больших войн и военных кампаний.

Но... большая часть этих полевых войск России в случае начала военных действий наполеоновской Франции против нее в начале 1812 года не могла оказаться непосредственно на театре войны по следующим объективным причинам:

в составе Дунайской армии генерала от инфантерии М.И. Голенищева-Кутузова (на территории княжеств Валахии и Молдовы) находилось более 80 тысяч полевых войск, которые участвовали в еще не закончившейся Русско-турецкой войне 1806–1812 годов;

в Крыму и в Новороссии под командованием генерал-лейтенанта герцога Ришелье располагалось 20 тысяч полевых войск, которые были расквартированы там на случай возможного турецкого десанта, поскольку в Стамбуле продолжали открыто заявлять о своих исторических правах на Крымский полуостров и Северное Причерноморье;

на Кавказской пограничной укрепленной линии (от устья Кубани до устья Терека) было сосредоточено 10 тысяч войск под командованием генерал-лейтенанта Ртищева; эти войска (сравнительно немногочисленные с учетом возложенных на них задач) вели борьбу с постоянными набегами «немирных» горцев, прежде всего Чечни и Черкесии, на Кавказскую пограничную линию;

в Грузии на линии государственной границы с Турцией, Эриванским ханством (частью шахской Персии) в закавказских гарнизонах стояло 24 тысячи русских войск под командованием генерал-лейтенанта маркиза Ф.О. Паулуччи;

в Финляндии для прикрытия российской столицы от «традиционного» противника в лице Швеции дислоцировался 30-тысячный корпус под командованием генерал-лейтенанта Ф.Ф. Штейнгеля;

в Москве, будучи в начальной стадии формирования, находилась 27-я пехотная дивизия генерал-майора Д.П. Неверовского (8 тысяч человек), создаваемая из гарнизонных батальонов и вошедшая в состав действующей армии только в самом начале войны;

кроме того, 12 тысяч обученных рекрутов еще не были введены в состав дивизий и 80 тысяч человек пребывали в запасных батальонах и эскадронах полевой армии.

Таким образом, перед самым началом вторжения наполеоновской армии в пределы России из 480-тысячной русской полевой армии для «открытия» боевых действий против неприятеля не могли быть задействованы 264 тысячи человек. В марте 1812 года Россия способна была выставить против Франции с ее более чем 600-тысячной Великой армией всего 218–220 тысяч полевых войск.

Из этих сил в том же месяце марте по высочайшему повелению Военным министерством были сформированы три Западные армии – 1-я (Барклай-де-Толли, 127 тысяч человек), 2-я (Багратиона, 45–48 тысяч человек) и 3-я (генерала от кавалерии Тормасова, около 46 тысяч человек). Последняя из этих армий располагалась на 100 километров южнее от соседней 2-й армии на Волыни, за заболоченными лесами Полесья.

...При Барклае-де-Толли началась серьезная и обширная программа фортификационного укрепления западной государственной границы. Усиливались действующие крепости, в инженерном отношении оборудовались места дислокаций 1-й и 2-й Западных армий. Вдоль рек Немана, Западной Двины, Березины строились укрепленные военные лагеря, депо, склады армейского снабжения. Из числа крепостей наибольшее внимание уделялось Дриссе, Риге, Динабургу, Борисову, Бобруйску, Киеву.

Подготовка России к ожидавшемуся вторжению наполеоновской армии требовала огромных материальных расходов. В два предвоенных года, когда Военное министерство возглавлял М.Б. Барклай-де-Толли, финансовые затраты государственной казны на оборону, прежде всего на нужды армии, были непомерно велики.

Так, из общей суммы расходов государственного бюджета на 1810 год, составлявшей 279 миллиона рублей, на военные цели было израсходовано 147,6 миллиона рублей. В следующем, 1811 году из общей суммы российского бюджета – 337,5 миллиона рублей – на

военные нужды пошло 137 миллионов рублей. Общие расходы непосредственно на Отечественную войну 1812 года, по самым скромным подсчетам, составили 155 миллионов рублей. В эту сумму не вошли огромные материальные потери и ущерб, нанесенный неприятельской армией местному населению.

В городах Новгороде, Твери, Трубчевске и Сосницах были созданы основные продовольственные базы для армии. Благодаря усилиям Провиантского департамента Военного министерства к началу войны удалось создать огромные запасы провианта: более 353 тысяч пудов муки, свыше 33 тысяч пудов различных круп и почти 469 тысяч пудов овса.

Одновременно создавались запасы вооружения и боевых зарядов. Орудийное производство оказалось сконцентрированным на казенных литейных заводах, главным образом на Олонцеком, Санкт-Петербургском и Луганском.

На 28 казенных и 118 частных чугунолитейных заводах Урала были размещены дополнительные заказы на производство 293 тысяч пудов артиллерийских снарядов. В пересчете на вес трехфунтовой гранаты или ядра это составляло около 4 миллионов снарядов.

В арсеналах Санкт-Петербурга, Москвы, Киева, а также на складах Тульского и Сестрорецкого оружейных заводов накапливалось огнестрельное и холодное оружие, прежде всего стрелковое: ружья пехотные, кирасирские и драгунские, карабины гусарские. Здесь же хранилось большое количество неисправного оружия, подлежащего починке. Главным поставщиком ружей продолжала оставаться Тула с большим числом мелких оружейных мастерских.

Остро стоял вопрос подготовки кавалерийских резервов. По предложению военного министра их создание было возложено на генерала от кавалерии А.С. Кологривова. Вместе с ним этой задачей занимался инспектор внутренней стражи граф Е.Ф. Комаровский. Последний занимался поставкой в армию лошадей. Император Александр I писал ему:

«...Я хочу возложить на тебя весьма важное поручение... И мы, и неприятель более имеем нужды в лошадях, нежели в людях... Пиши обо всем прямо ко мне».

В 1812 году генерал-лейтенант Комаровский закупил 13 тысяч лошадей в Волынской и Подольской губерниях. Здесь помещики по высочайшей воле получили право вместо рекрутов «выставлять» лошадей. Подобных послаблений для центральных областей не делалось. В следующем, 1813 году Комаровский собрал для действующей армии в Курской, Орловской и других губерниях 40 тысяч лошадей. Как показала война, потери лошадей оказались огромны.

Казачество и иные иррегулярные конные войска сами обеспечивали себя необходимым числом лошадей как для всадников, так и для конной артиллерии и обозов. Это давало казне империи два века ее существования огромную экономию.

...Возглавив Военное ведомство, Михаил Богданович позаботился об организации разведки за границей. Летом 1810 года он представил на рассмотрение монарха докладную записку. В ней, среди прочего, он просил разрешения направить в российские посольства военных чиновников, которые занимались бы в европейских столицах агентурной работой. Александр I на это свое согласие дал.

В состав посольств были назначены военные агенты, прообраз современных военных атташе. Они озадачивались письменными инструкциями. К подбору их относились весьма тщательно. Такие люди должны были относиться к числу «храбрых, распорядительных и точных высших офицеров». Однако военный министр посылал военными агентами в столицы Европы не только высших офицеров, но и младших, имевших «природную склонность» к такого рода деятельности.

Кто же олицетворял собой военную разведку в наполеоновской пол-Европе перед грозой 12-го года? В Париже – полковник А.И. Чернышев, будущее второе лицо в империи Николая I. В Вене и Берлине – полковники по квартирмейстерской части Ф.В. Тейль фон

Сераскиркен и Р.Е. Ренни (его через год сменил поручик Г.В. Орлов). В Мюнхене – поручик П.Х. Граббе. В Дрездене – майор В.А. Прендель, воевавший в 1799 году под суворовскими знаменами. В Мадриде – поручик П.И. Брозин. Примечательно, что все они в последующем получают генеральские чины.

Лично военным министром для русских агентов за границей была составлена инструкция о ведении ими разведывательной деятельности. Более того, большинство из них он знал лично. Император утвердил военным агентам, как посольским людям, большие должностные оклады – от 800 рублей и выше.

Со стороны казалось, что в руках Барклая-де-Толли сосредоточились все нити управления военной организацией Отечества. Однако он не смог воспрепятствовать тому, что император Александр I на случай войны с наполеоновской Францией принял план действий, разработанный его ближайшим советником по военно-теоретическим вопросам К.Л. Фулем (Пфулем) – прусским генералом на русской службе. Государь не прислушивался к возражениям.

Военный министр знал из донесений разведки, которые приходили прежде всего из Парижа, что к российским границам (в Восточную Пруссию, в Польшу) стягивается огромная наполеоновская армия. Михаил Богданович заблаговременно писал в докладных императору Александру I:

«Необходимо... начальникам армий и корпусов иметь начертанные планы их операций, которых они по сие время не имеют...»

Началу вторжения Великой армии в российские пределы предшествовала разведывательная деятельность сторон. Глава Военного ведомства России не мог не вызывать интереса французских резидентов. Одним из таковых был капитан де Лонгрю, адъютант посла Парижа в городе на Неве Ж.А. Лористон. Он и дал Михаилу Богдановичу следующую характеристику, с которой познакомился Наполеон:

«Генерал Барклай-де-Толли. Военный министр. Лифляндец, женился на курляндке, которая видится у себя только с дамами из этих двух провинций. Это человек 55 лет, немного изможденный, великий труженик, пользующийся превосходной репутацией».

...Россия начинает стягивать свои полевые войска к западной государственной границе. 19 марта 1812 года генерал от инфантерии М.Б. Барклай-де-Толли назначается главным командующим 1-й (самой большой) Западной русской армией, номинально оставаясь военным министром. Военное ведомство временно передается в руки генерал-лейтенанта князя А.И. Горчакова.

1-я Западная армия стояла на прикрытии западной границы, дислоцируясь в двух губерниях – Виленской и Гродненской.

По одному из предвоенных планов российского командования 1-я Западная армия в случае вторжения Наполеона должна была сосредоточиться у Свенцяи. Оттуда она должна была отойти в Дрисский лагерь и встретить там неприятеля. С началом войны от этого плана, как показал ход событий, пришлось решительно отказаться.

Барклай-де-Толли 31 марта прибывает в Вильно, который являлся армейской главной квартирой. В тот же день он издает Приказ по 1-й Западной армии за? 1. Приказ был краток:

«Вступя в командование высочайше вверенной мне армии, делаю сим известным войскам под начальством моим состоящим. Подлинной подписал Главнокомандующий Армиею Барклай-де-Толли...»

Попав в приграничье, М.Б. Барклай-де-Толли из Вильно направил императору Александру I свои соображения о необходимости перехода русских войск через пограничную реку Неман для последующих наступательных действий против Великой армии Наполеона на польской земле и в Восточной Пруссии. Впрочем, подобные предложения поступили государю не только от него.

Но этот план военного министра по нанесению упреждающего, превентивного удара по неприятелю не был принят. Самодержец дал Михаилу Богдановичу в апреле месяце собственноручный ответ. Вот выдержка из него:

«...Важные обстоятельства требуют зрелого рассмотрения того, что мы должны предпринять. Высылаю Вам союзный договор Австрии с Наполеоном. Если наши войска сделают шаг за границу, то война неизбежна...

При приезде моем в Вильну окончательно определим дальнейшие действия. Между тем примите меры к тому, чтобы все было готово, и если мы решимся начать войну, чтобы не встретилось остановки».

В Вильно 14 апреля прибывает монарх в сопровождении блестящей и многочисленной свиты. Можно полагать, что он остался доволен состоянием войск 1-й русской Западной армии. Этим, пожалуй, можно объяснить такое высочайшее распоряжение:

«...Его Императорское Величество жалует всем нижним чинам бывшим сего числа (8 мая. – *А.Ш.*) в строю, по рублю и по фунту мяса на каждого».

Александр I осознавал, что не обладает полководческим талантом, поэтому не взял на себя бремя главнокомандующего с неизбежной при этом ответственностью за принимаемые решения. Но он и не внял совету своего военного министра о назначении такого главнокомандующего, предоставив М.Б. Барклаю-де-Толли право отдавать распоряжения от своего имени. Естественно, что важнейшие из них проходили согласование с самодержцем.

...Отечественная война 1812 года началась в ночь на 12 июня. Основные силы Великой армии во главе с самим Наполеоном наносили удар с территории Восточной Пруссии по самой крупной группировке русских войск. Ею и была 1-я Западная русская армия, состоявшая из шести пехотных, трех кавалерийских (они тогда назывались резервными) и одного летучего казачьего корпусов общей численностью (на июнь 1812 года) почти в 120 тысяч человек при 380 орудиях. Войска Барклая-де-Толли располагались в районе Россиены, Вильно, Гродно и прикрывали 220-километровый участок западной границы России.

Всего в состав 1-й Западной армии входило 150 батальонов пехоты, 128 эскадронов кавалерии и 20 казачьих полков. 1-м пехотным корпусом командовал генерал-лейтенант граф П.Х. Витгенштейн, 2-м – генерал-лейтенант К.Ф. Багговут, 3-м – генерал-лейтенант Н.А. Тучков 1-й, 4-м – генерал-лейтенант граф П.А. Шувалов, 5-м (резервным; в его состав входила Гвардия) – цесаревич Константин Павлович и 6-м – генерал от инфантерии Д.С. Дохтуров. Кавалерийскими корпусами командовали генерал-адъютант Ф.П. Уваров, генерал-адъютант барон Ф.К. Корф и генерал-майор граф П.П. Пален 3-й. Во главе летучего казачьего корпуса стоял генерал от кавалерии донской атаман М.И. Платов.

Барклаю-де-Толли подчинялась и соседняя (к югу) багратионовская 2-я Западная армия (вплоть до назначения главнокомандующим Главной действующей армией генерала от инфантерии М.И. Голенищева-Кутузова). В условиях значительного превосходства в силах наполеоновской Великой армии Барклай-де-Толли сумел осуществить отход двух русских армий от линии государственной границы к Смоленску, сорвав тем самым план императора французов разгромить их порознь.

Однако большинство современников, в том числе и русского генералитета, осудило такой план действий российского военного министра «из немцев». События же войны в ее начальный период развивались следующим образом.

После получения известия о переходе наполеоновской Великой армии через пограничную реку Неман Барклай-де-Толли стал незамедлительно стягивать свою армию к Свенцянам, удалившись от линии границы. Он словно приглашал Наполеона идти на восток. В то время 2-я Западная армия еще оставалась на месте и, вполне возможно, могла оказаться против правого фланга наступающей неприятельской сухопутной «армады».

Император французов принял такое «предложение». Он был и великим стратегом, и великим тактиком. То есть великим шахматистом в военном мундире, который мог просчитывать и свои действия, и действия соперника на много ходов вперед. И к тому же, как вспоминал позднее его маршал Л.-Г. Сен-Сир:

«Наполеону был известен план, принятый Барклаем-де-Толли и состоявший в немедленном отступлении русской армии на правый берег (Западной) Двины, лишь только французы войдут в Россию».

Первоначально 1-я Западная русская армия отступала к Дриссе, чтобы занять оборону в построенном там по плану Фуля укрепленном лагере. Из-за этого разрыв между 1-й и 2-й армиями значительно увеличился. Кроме того, непригодность Дрисского лагеря для обороны стала очевидной не только для генералитета, но и для самого императора Александра I. Он «поддался» уговорам своего окружения и 7 июля отбыл в Санкт-Петербург, чтобы оттуда управлять воюющей Россией. Это во многом развязало руки Барклаю-де-Толли. Для начала русскими войсками оставляется дрисский лагерь-«ловушка».

Отступление русских войск от государственной границы и нежелание Барклая-де-Толли дать неприятельской армии генеральное сражение вызвали недовольство широкой общественности, и прежде всего в рядах самой армии. Отход ее в глубь России был полон трагических впечатлений. И Михаил Богданович, сам не желая того, «вступил в резкий конфликт с генералитетом, армейской массой и гражданским населением».

Причины этого крылись не только в приказах отступить и отступить еще дальше. «Оппозицию» военному министру в его штабе возглавил не кто иной, как сам великий князь Константин Павлович, считавшийся в то время наследником престола. От него главнокомандующий избавился, отправив донесение государю.

Современники и последующие исследователи свидетельствовали: отступление, как неизбежность начала Отечественной войны 1812 года, единственно спасительный в тех условиях ход ведения военных действий, было не понято патриотически настроенным и потому негодующим российским обществом. Начальствующее поведение старшего по положению главнокомандующего обсуждалось в штабе Багратиона и в собственном штабе Барклая-де-Толли, в полках и дворянских семьях, при царском дворе и в придорожных трактирах.

Авторитет военного министра упал, и он уже не мог претендовать на безусловное верховное командование в начавшейся войне. Не мог, прежде всего, в моральном плане. Однако несомненной заслугой Михаила Богдановича стало то, что он сумел сохранить русскую армию для Бородинского сражения.

Многие ли летом и осенью 1812 года понимали правильность отступательной стратегии полководца? Ведь на всех здравомыслящих в русском стане давила тяжесть впечатлений не дня вчерашнего, а дня сегодняшнего. Вне всякого сомнения, Барклая-де-Толли понимали в те дни лишь немногие. Одним из таких людей был прославленный армейский партизан А.Н. Сеславин, бывший адъютантом и любимцем главнокомандующего 1-й русской Западной армией. Сеславин писал:

«Он первый ввел в России систему оборонительной войны, дотоле неизвестной. Задолго до 1812 года уже решено было, в случае наступления неприятеля, отступить, уступить ему всю Россию до тех пор, пока армии не сосредоточатся, не сблизятся со своими источниками, милиция не сформируется и образуется, и, вовлекая таким образом внутрь России, вынудить его растягивать операционную свою линию, а чрез то ослабевать, теряя от недостатка в съестных припасах людей и лошадей».

Наполеон, ожидая долгое время от россиян наступательной войны, а вместе с тем верной гибели армии и рабства любезного нашего Отечества, сам наступил.

С первого шага отступления нашей армии близорукие требовали генерального сражения; Барклай был непреклонен. Армия возропала. Главнокомандующий подвергнут был

ежедневным насмешкам и ругательствам от подчиненных, а у двора – клевете. Как гранитная скала с презрением смотрит на ярость волн, разбивающихся о подошву ее, так и Барклай, презирая незаслуженный им ропот, был, как и скала неколебим...»

Тот же А.Н. Сеславин, один из самых прославленных героев Отечественной войны 1812 года, приводит такой разговор между ним, офицером-ординарцем, и своим начальником. Который выслушав донесение, неожиданно спросил о чем-то сильно гнетущем его уже многие дни:

– Какой дух в войске и как дерутся, и что говорят?

– Ропшут на вас, бранят вас до тех пор, пока гром пушек и свист пуль не заглушит их ропот.

– ?Я своими ушами слышал брань и ее не уважаю; я смотрю на пользу Отечества, потомство смотрит на меня... Все, что я ни делаю и буду делать, есть последствие обдуманного плана и великих соображений, то есть плод многолетних трудов. Теперь все хотят быть главными... И тот, который долженствовал быть мне правою рукою, отличась только под Прейсиш-Эйлау в полковническом чине, проискал у двора ищет моего места; а дабы удобнее того достигнуть, возмущает моих подчиненных».

Под этим человеком, бывшим в сражении при Прейсиш-Эйлау полковником, Барклай-де-Толли понимал своего главного оппонента в тяжелые для всех дни отступления от границы к Бородину – Багратиона...

Для защиты Санкт-Петербургского направления из состава войск 1-й Западной русской армии был выделен корпус генерал-лейтенанта П.Х. Витгенштейна численностью 23 тысячи человек. Первый отдельный пехотный корпус занял позиции под Полоцком, чтобы уже вскоре принять на себя удар наполеоновских корпусов маршалов Удино и Сен-Сира.

Отступление войск армии Барклая-де-Толли оказалось для людей не из легких. Майор 1-го егерского полка М.М. Петров после войны вспоминал в своих записках:

«В последний опаснейший 60-верстный переход к двору Мещиуам... изнурение нижних чинов егерской нашей бригады в жаркий день до того простерлось, что несколько человек пали на пути мертвыми и у многих, по истощении всего поту, выступила под мышцами кровь».

Тут офицеры 1-го и 18-го егерских полков изъяснили чрезвычайную любовь к своим подчиненным: они верховых своих лошадей навьючили ранцами обессиленных солдат, а сами несли на своих плечах по две патронные сумы и по два ружья, а иные могучие – и более».

Отступление 1-й Западной армии проходило с постоянными арьергардными боями, наиболее ожесточенный из которых состоялся у местечка Островно, в 20 километрах от Витебска. Главнокомандующий выставил здесь заслоном 4-й пехотный корпус генерала А.И. Остермана-Толстого, усилив его пятью полками кавалерии (в том числе лейб-гвардии Драгунским и Гусарским) и ротой конной артиллерии. Всего 8 тысяч штыков и 2 тысячи сабель.

Наполеон, чтобы «открыть» себе дорогу на Витебск, приказал маршалу Иоахиму Мюрату с авангардом Великой армии сбить заслон противника. Однако позиция русской пехоты вдоль Витебской дороги оказалась прикрытой с флангов болотами и лесами. В силу этого обход позиции с флангов требовал на маневр немалого времени, чего ситуация Бонапарту не позволяла. Завязалось ожесточенное сражение. Французы делали все для того, чтобы противник большими силами втянулся в бой, и «тогда ему не миновать было генеральной баталии».

Выполнив поставленную задачу задержать авангард французов, Остерман-Толстой в полном порядке увел от Островно свои войска. Он не стал вводить в дело присланные ему главнокомандующим подкрепления, которые были значительные числом и силой. То есть

завязки «Витебского генерального сражения» не получилось. Император-полководец Наполеон I проиграл здесь своему сопернику поединком в стратегии.

Те события под Витебском многие современники, в том числе и те, кто находился в те дни в армейских рядах, истолковали как нежелание военного министра наконец-то дать Наполеону генеральную баталию. Об этом говорили и в кругу офицерства, и в полках 1-й Западной армии: драться с французами хотели все! Так, герой Отечественной войны 1812 года Денис Давыдов в одном из своих послевоенных писем свидетельствовал для потомков:

«13-го июля Мюрат, подкрепленный 4-м корпусом, атаковал Остермана...

Наши отступали к Витебску, где все ожидали генерального сражения; по оправдательному письму ген(ерала) Барклая видно, что и он склонен был на сие пагубное предприятие, ибо он говорит: «Мое намерение было сражаться при Витебске, потому что я чрез сражение сие достигнул бы важной цели, обращая на сию точку внимание неприятеля, останавливая его, и доставляя тем к(нязю) Багратиону способы приблизиться к 1-й армии».

Но он, кажется, не принял в уважение, что неприятель, занимая его при Витебске, одним или двумя корпусами, мог обратить все силы свои к Смоленску, и что по овладению им сим городом все способы соединения обеих армий пресекутся...

К счастью, на 15-е число ге(нерал) Барклай проник опасности и вследствие сего армия предприняла того дня отступление...»

Под Витебском, как казалось тогда многим, русская армия должна была наконец-то скрестить оружие с французами. Но этого не случилось, и отступление продолжилось. Разговоры об «измене» Барклая-де-Толли получили в рядах действующей армии новый всплеск. Участник Отечественной войны Н.Е. Митаревский в своих воспоминаниях рассказывал:

«...Между тем неудовольствие и ропот усиливались. Негодовали единственно на Барклая-де-Толли и не только возлагали на него вину, но еще прибавляли много небывалого. Высшие офицеры обвиняли его в нерешительности, младшие – в трусости, а между солдатами носилась молва, что он – немец, подкуплен Бонапартом и изменяет России.

Обвиняли его за то, что даром отдал Смоленск, что пошел от него по Петербургской дороге и тем чуть не отдал всей армии в руки Наполеона. Особенно неприятное впечатление произвело известие, что Барклай-де-Толли поссорился с князем Багратионом, которого все превозносили до небес...

Дух между солдатами и офицерами был самый воинственный. Французов нисколько не боялись, и хотя всем было известно, что французы гораздо нас многочисленнее, однако ж все с нетерпением желали с ними сразиться».

...После столкновения у Витебска император Наполеон понял, что разбить главные силы русской армии в приграничье ему так и не удалось. И Барклай-де-Толли, и Багратион «ушли от него». И он стал строить новый план войны с Россией. Но на то, чтобы идти дальше в глубь ее территории, к Москве, великий завоеватель решился, как известно, после тяжелых раздумий. Это было и понятно: его Русский поход с первых дней стал складываться совсем не так, как он его задумывал. Он преследовал армии русских так, словно это была «погоня за миражом».

Однако на продолжение Русского похода Бонапарт решился тогда не сразу. В Витебске император французов «объявляет кампанию 12-го года конченною: «Здесь я остановлюсь, – говорит он, – осмотрюсь, соберу армию, дам ей отдохнуть и устрою Польшу. Две большие реки очертят нашу позицию; построим блокаузы, скрестим линии наших огней, составим каре с артиллериею, построим бараки и провиантские магазины, в 13-м будем в Москве, в 14-м – в Петербурге. Война с Россиею – трехлетняя война!»

Но эти слова остались только словами. Перед Великой армией зримо маячили две русские Западные армии, грозя неприятелю соединением под Смоленском, «ключом двух дорог – на Москву и Петербург». Разбить противника в приграничье французы так и не смогли при

всех своих стараниях. Наполеон, зная о своем превосходстве в силах, решает идти дальше в глубь России:

«Постоянно памятуя и вспоминая пример Карла XII и высказывая решение никак не повторить его ошибки, делает именно эту ошибку!»

Именно в Витебске император Наполеон понял, что Русский поход складывается для его Великой армии совсем не так, как задумывалось. Его больше всего пугали трудно объяснимые по опыту прежних войн потери в людях, которые приходили на отставших по плохим дорогам, больных и дезертиров.

Думается, что при обвинениях военного министра России в нежелании дать Великой армии генеральную баталию следует отметить следующее. Отход 1-й Западной армии в глубь России для соединения со 2-й Западной армией проходил в ожесточенных арьергардных боях с наседающим неприятелем. Такие столкновения состоялись при Ошмянах, Козянах, Кочергишках, Островно, Какувячине, Лучесе.

Более того, в самом начале военных действий авангард генерал-майора И.С. Дорохова и казачий корпус атамана М.И. Платова оказались отрезанными неприятелем от главных сил 1-й Западной армии. И до самого Смоленска им пришлось отступать вместе с багратионовской армией.

Михаилу Богдановичу до самого назначения единого главнокомандующего приходилось «отбиваться» от пылкого князя Багратиона, настаивавшего перед военным министром на наступательных действиях и горевшего желанием сразиться с неприятелем в большой битве. За этим «поединком» двух военных вождей следила не только русская армия, но и официальный Санкт-Петербург. Но Барклай-де-Толли оставался верен себе, продолжая отступать все дальше и дальше в самую глубь России. Позднее он объяснится в своих мемуарах:

«Я при сем заметил, что мы имеем дело с предприимчивым полководцем, который не упустил бы случая обойти своего соперника и тем исторгнуть победу».

...План М.Б. Барклая-де-Толли на начальный период войны, который имел столько возражений, все же был исполнен. Две русские Западные армии соединились под стенами древнего города-крепости Смоленска, прикрывавшего собой врагу прямой путь на первопрестольную Москву. 20 июня к Смоленску подошла 1-я Западная армия, на другой день – 2-я Западная армия. Успешно проведенное Смоленское сражение подняло боевой дух отступающих войск. Военный министр руководил Смоленским сражением. Он же командовал арьергардным боем под местечком Заболотье.

На Смоленщине по инициативе Михаила Богдановича был сформирован армейский летучий (партизанский) отряд под командованием генерал-майора Ф.Ф. Винцингероде. Его действия положили начало ведению малой войны на территории, занятой неприятелем.

Наполеон и под Смоленском не смог навязать противной стороне генеральное сражение. Барклай-де-Толли же после личной встречи с П.И. Багратионом и проведенного военного совета принял решение продолжать отход к Москве.

Сейчас трудно судить о том, как он намеревался поступить в ближайшие дни, поскольку тому веских документальных свидетельств нет. Однако известно его письмо московскому генерал-губернатору графу Ф.В. Ростопчину, в котором говорилось о необходимости решить судьбу войны генеральной баталией:

«Непременным долгом считаю уведомить Ваше Сиятельство, что после отступления армий от Смоленска нынешнее положение дел непременно требует, чтоб судьба наша решена была генеральным сражением. Я прежде сего полагал продолжить войну до окончательного составления внутренних ополчений. Все причины, доселе воспреотившие давать онаго, ныне уничтожаются.

Неприятель слишком близок к сердцу России, и сверх того мы принуждены всеми обстоятельствами взять сию решительную меру, ибо в противном случае армии будут подвержены сугубой гибели и бесчестию...»

На марше от Смоленска Михаила Богдановича и застало сообщение из Санкт-Петербурга о том, что 5 августа главнокомандующим всех русских армий назначен генерал от инфантерии М.И. Голенищев-Кутузов. Михаил Богданович по императорскому указу сдал ему войска 1-й и 2-й Западных армий. Окружающие его люди знали, что самолюбию военного министра нанесен оскорбительный удар, но он сам никакого повода к подобным разговорам в своем кругу не подал. Лишь слегка замкнулся в себе.

Барклай-де-Толли предложил новому главнокомандующему по его прибытии к армиям дать неприятелю генеральную баталию у села Царево-Займище. О том, что военный министр нашел здесь «весьма выгодную» позицию для сражения, было сообщено Голенищеву-Кутузову, находившемуся в пути к армии. Тот незамедлительно послал в Царево-Займище своего адъютанта с письмом такого содержания:

«Милостивый государь мой Михайло Богданович!

Наставшее дождливое время препятствует прибыть мне завтра к обеду в армию; но едва только с малым рассветом сделается возможность продолжать мне дорогу, то я надеюсь с 17-го по 18-е число быть непременно в главной квартире.

Сие, однако же, мое замедление ни в чем не препятствует вашему высокопревосходительству производить в действие предпринятый вами план до прибытия моего.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть вашего превосходительства всепокорный слуга князь Михаил Г.-Кутузов».

Как известно, боя у Царева-Займища не произошло, хотя Барклай-де-Толли на то официальное разрешение получил. Новый главнокомандующий, лично осмотрев не им выбранную позицию, отверг предложение и приказал отступать дальше в поисках более выгодного поля для битвы. Действительно, расположить у Царева-Займища на позиции все русские войска было просто невозможно, хотя у тех же русских войск было огромное желание «драться с французом».

Была и другая причина, не менее веская для М.И. Голенищева-Кутузова. Численность 1-й и 2-й Западных армий составляла 95 734 человека. У Наполеона же «предполагали около 165 000 человек». Резервы к русской армии еще не подошли. И к тому же они оказались, как выяснилось позже, гораздо меньше обещанных из столицы.

В те дни М.Б. Барклай-де-Толли еще не знал о том, что Чрезвычайный Комитет по избранию единого главнокомандующего, по сути дела, лишил его поста военного министра. В заключении, представленном на имя императора Александра I, на сей счет говорилось следующее:

«...В обоих случаях, если бы военный министр Барклай-де-Толли согласился остаться в действующей армии или возвратился бы в С.-Петербург, то все же следует уволить его от звания военного министра...»

Однако монарх тянул с объявлением ему такого решения «до последней крайности». Он опасался, что объявление такого высочайшего решения негативно отразится «на состоянии умов» в войсках, в среде генералитета. И потому Михаил Богданович считал себя (и так считали в армии) военным министром даже на поле Бородина, продолжая слать письма императору.

...Большое поле для битвы после Царева-Займища нашлось у села Бородино. Ко дню Бородинской битвы М.Б. Барклай-де-Толли сумел сохранить не только свою армию, но и армию багратионовскую. Сохранить военную силу России, не дав ей растратить себя во время отступления от границы, растерять организованность, дисциплину и желание сра-

жаться. Один из участников Отечественной войны 1812 года поэт Ф.Н. Глинка писал о Михаиле Богдановиче в таких словах:

«Я часто хожу смотреть, когда он проезжает мимо полков, и смотрю всегда с новым вниманием, с новым любопытством на сего необыкновенного человека...

Главкомандующий армиями, генерал Барклай-де-Толли, прошедший с такою осторожностью войска наши от Немана и доселе, что не дал отрезать у себя ни малейшего отряда, не потеряв почти ни одного орудия и ни одного обоза, – сей благоразумный вождь, конечно, увенчает предначатия свои желанным успехом...

...Под начальством уже номинального военного министра оставалась только 1-я Западная армия. По численности она заметно превосходила багратионовскую 2-ю Западную армию. Поэтому полководец Голенищев-Кутузов поручил Михаилу Богдановичу на поле Бородина командовать центром и правым флангом русских войск. Его армия в день сражения на занимаемой позиции состояла из трех пехотных корпусов: генералов Багговута, Остермана-Толстого и Дохтурова.

В день 25 августа, когда отгремели пушечные залпы в схватке за Шевардинский редут, М.Б. Барклай-де-Толли был одним из тех военачальников, которые предлагали главнокомандующему «предупредить неприятеля». В чем заключался смысл этого «предупреждения», Михаил Богданович рассказал в своих мемуарах:

«...Князю Кутузову было предложено под вечер при наступлении темноты исполнить с армией так, чтобы правый фланг 1-й армии отправился на высоту Горки, а левый примыкал к деревне Семеновское, но чтобы вся 2-я армия заняла место, в коем находился тогда 3-й корпус.

Сие движение не переменяло бы боевого порядка, каждый генерал имел бы при себе собранные свои войска; резервы наши, не начиная дела, могли быть сбережены до последнего времени, не будучи рассеяны, и может быть, решили бы сражение.

Князь Багратион, не будучи атакован, сам бы с успехом ударил на правый фланг неприятеля. Для прикрытия же нашего правого фланга, защищаемого уже местоположением, достаточно было бы построенных укреплений, 8-ми или 10-ти батальонов пехоты, 1-го кавалерийского корпуса и казачьих полков 1-й армии.

Князь одобрял, по-видимому, сию мысль, но она не была приведена в действие».

Эти слова, изложенные полководцем М.Б. Барклаем-де-Толли в «Соображениях военных действий 1-й армии в 1812 году», стали лишь частью затянувшейся дискуссии по поводу кутузовского плана на генеральную баталию. Но на поле Бородина не могло быть двойного прочтения плана на битву ни с той, ни с другой стороны. Поэтому мнение Михаила Богдановича на позиционное положение 1-й и 2-й Западных армий можно считать только его, частным, мнением. Главной русской армией в день 26 августа 1812 года командовал другой полководец России. Великий полководец.

...Все, кто видел Барклая-де-Толли в славный Бородинский день, единодушно отмечают его бесстрашие. Он появлялся в самых опасных местах расположения своих войск в центре кутузовской позиции. Поговаривали даже, что он не хотел жить и искал для себя смерти. Четыре лошади пали под ним. Все адъютанты, сопровождавшие его, за исключением одного, были убиты или ранены, а командующий армией остался невредим. Один из адъютантов главнокомандующего 1-й армий барон Вольдемар фон Левенштерн свидетельствовал в своих «Записках»:

«...Барклай поспешил к тому пункту, где произошло замешательство, но так как его лошадь была ранена (хотя продолжала скакать), то он оказался в большой опасности. Его преследовали несколько польских улан.

Мы сделали попытку спасти нашего генерала. Несколько кавалеристов разных полков, которых нам удалось собрать, помогли в этом. Мы бросились на польских улан, из которых одни были нами изрублены, а другие обращены в бегство. Барклай был спасен...»

26 августа 1812 года генерал от инфантерии М.Б. Барклай-де-Толли проявил большое искусство командования войсками и личное мужество при отражении натиска наполеоновских корпусов на центр русской позиции. Он не только занимался переброской войск на поддержку армии Багратиона, но и занимался защитой собственной позиции, когда накал битвы переместился от Семеновских флешей к Курганной высоте.

Этот Большой редут (как его называли французы), известный нам больше как Батарея Раевского, стал свидетелем грандиозной кавалерийской схватки, которой, равно как и Бородинского сражения, Отечественная война 1812 года не знала. Император французов приказал маршалу Иоахиму Мюрату очистить кавалерией от русских поле у Большого редута и помочь пехоте овладеть высотой в центре позиции противника.

Та массированная кавалерийская атака превратила Бородинское поле в самый большой могильник лошадей за всю историю антинаполеоновских войн. Сам Барклай-де-Толли описывал финальную часть сражения 26 августа так:

«...Во время самого нападения на высоту центра неприятельская кавалерия, состоявшая большей частью из кирасир и нескольких полков уланских, ударила на 4-й корпус, там встретила она Перновский пехотный и 24-й егерский. Сии храбрые полки выжидали нападения неприятеля с невероятным мужеством, допустили его на 80 или 60 шагов и дали по нему столь удачный залп, что он отступил в расстройстве.

Сумской и Мариупольский гусарские полки и Сибирский драгунский преследовали неприятеля, но, столкнувшись с неприятельской пехотой и артиллерией, возвратились в расстройстве. Неприятельская кавалерия, усиленная резервами, следовала по пятам за нашей конницей, пробилась вперед между колонн и пехотных каре и явилась таким образом в тылу 4-го и 6-го корпусов. Храбрые сии войска не замешкались, но приняли неприятеля с задних фасов своих каре; огонь, производимый ими и нашей конной артиллерией, привел в беспорядок неприятельские ряды.

Кавалерия наша снова построилась и с помощью нескольких драгунских полков ударила на неприятеля и совершенно его опрокинула, так что он вовсе из виду отступил за свою пехоту.

Тогда снова артиллерия открыла с обеих сторон смертоносное свое действие; казалось, что Наполеон решился уничтожить нас артиллерией. Пехота наша с чудесной твердостью выдержала ужаснейший пушечный огонь, в особенности войска, составлявшие угол центра, весьма потерпели, ибо там пересекало огонь со многих неприятельских батарей.

Во время сей ужасной канонады, сбившей с обеих сторон целые ряды, неприятель устроил несколько кавалерийских и пехотных колонн. Я предвидел жестокое нападение со стороны неприятеля; я послал немедленно за 1-й кирасирской дивизией, полагая, что она все еще на месте, мною предписанном, в коем намеревался я сохранить ее для решительного удара, но по несчастию была она уведена, не знаю кем, на край левого фланга. Адьютант мой едва достиг двух только кирасирских полков гвардии и, воротив оные, привел немедленно ко мне.

Между тем неприятель начал уже нападение, с частью своей кавалерии занимал он нашу, а с другой врубился в 24-ю дивизию, употребленную для прикрытия батарей на высоте центра. Неприятель опрокинул оную и облегчил тем атаку пехотным колоннам, подвинувшимся тогда с другой стороны.

Высота с частью артиллерии была взята штурмом, а 24-я дивизия возвратилась в величайшем смятении, но была немедленно остановлена и построена; тогда неприятельская кавалерия соединенными силами устремилась на нашу пехоту, я предвидел уже минуту

решения нашей участи. Кавалерия моя была недостаточна к удержанию сей громады неприятельской, и я не смел ее вести против неприятеля, полагая, что будет опрокинута и в расстройстве притеснена к пехоте. Всю свою надежду полагал на храбрую пехоту и артиллерию, сделавшихся в сей день бессмертными; обе исполнили мое ожидание, неприятель был приостановлен.

В сию затруднительную минуту прибыли на рысях два гвардейских кирасирских полка, я указал им неприятеля, и они с редкой неустрашимостью устремились в атаку. Полки Сумской, Мариупольский и Оренбургский гусарские, Сибирский, Иркутский и Оренбургский драгунские последовали за ними. Псковский драгунский и Изюмский гусарский, также отряженные без моего о том сведения, прибыли тогда под начальством генерала Корфа, я поставил их в резерве.

Так началась кавалерийская битва из числа упорнейших, когда-либо случавшихся. Неприятельская и наша конница попеременно друг друга опрокидывала, потом строились они под покровительством артиллерии и пехоты, наконец наша успела с помощью конной артиллерии в обращении неприятельской кавалерии в бегство. Она совершенно отступила с поля сражения.

Пехота, стоявшая против 4-го корпуса, также отступила почти из виду артиллерии, оставив одну цепь стрелков; но взятая высота все еще сильно была защищаема, позади оной находилось еще несколько колонн пехоты и малое число кавалерии.

Пушечный огонь с обеих сторон возобновлялся, неприятельский мало-помалу ослабевал, но с наших батарей производилось непрерывное действие до самого вечера по упомянутой высоте и колоннам, позади оной поставленным. Наконец темнота ночи водворила и с нашей стороны тишину...»

Когда под вечер шквал огня постепенно стих и битва в тот день завершилась, генерал от инфантерии М.Б. Барклай-де-Толли не сомневался в том, что на следующий день дело продолжится. Он считал, что борьба должна продолжиться и 27 августа. С аванпостов ему донесли, что французы почти всюду отошли на исходные позиции, словно соглашаясь на ничейный счет в состоявшемся сражении.

Не сомневаясь в том, что на следующий день сражение продолжится, Барклай-де-Толли дал соответствующие указания командирам подчиненных ему корпусов. Было приказано войскам, которые отошли с утренних позиций, возвратиться на них, в том числе и на Курганную высоту, хотя ее земляные укрепления были разрушены шквалом артиллерийского огня. Михаил Богданович пишет об этом так:

«Я поручил генералу Милорадовичу занять с войсками 1-й армии следующую позицию: правое крыло 6-го корпуса должно было опираться на высоты при деревне Горки. Направление 1-й линии находилось в прямой линии от сей точки к деревне Семеновское. 4-й корпус стал возле 6-го корпуса во второй, оба кавалерийские занимали 5-й корпус в резерве.

Для точности направления приказал я расположить огни в некотором расстоянии друг от друга, что и облегчило движение войск. Я предложил генералу Дохтурову подкрепить войска 2-й армии, собранные на левом фланге 4-го корпуса, и занять место между оным и корпусом Багговута. Я предписал сему генералу снова занять позицию, защищавшуюся им накануне. Я предписал приготовления к построению редута на высоте при деревне Горки; 2000 человек ополчения были на сие употреблены.

Я донес обо всех сих мерах князю Кутузову, он объявил мне свою благодарность, все одобрил и уведомил меня, что приедет в мой лагерь для ожидания рассвета и возобновления сражения.

Вскоре потом объявлен также письменный приказ, одобряющий все мои распоряжения. Я предписал сделать рекогносцировку, дабы узнать, занимает ли неприятель высоту центра (Курганную высоту. – *А.Ш.*): на оной найдены только рассеянные команды, занима-

ющиеся своим отступлением. Вследствие сего предписал я генералу Милорадовичу занять сию высоту на рассвете несколькими батальонами и одной батареей.

Все утешались одержанной победой и с нетерпением ожидали следующего утра».

Но... в полночь Барклай-де-Толли получил предписание главнокомандующего, по которому следовало 1-й и 2-й Западным армиям отступить с Бородинского поля на Можайск. Потом Михаил Богданович напишет в своих мемуарах:

«Причина, побудившая к сему отступлению, еще поныне от меня сокрыта завесою тайны».

За заслуги в Бородинском сражении по представлению главнокомандующего М.И. Голенищева-Кутузова («храбрость его превосходила всякие похвалы») Михаил Богданович был награжден Военным орденом Святого великомученика и победоносца Георгия 2-й степени.

Отступая по Можайской дороге к Москве, Барклай-де-Толли верил, что со дня на день, по крайней мере, под стенами первопрестольной русской столицы, завяжется новая битва. Настрой солдат и офицеров подавал Михаилу Богдановичу надежды на успех. 31 августа по 1-й армии был зачитан его приказ, написанный в селении Сетунь:

«...Небезызвестно каждому из начальников, что армия Российская должна иметь решительное сражение под стенами Москвы: каждый из начальников должен употребить возможное усилие к приведению в устройство частей войск подчиненных...»

Но на знаменитом в отечественной истории военном совете в Филях генерал от инфантерии М.Б. Барклай-де-Толли первым высказался за оставление Москвы ради спасения армии. Он сказал тогда пророческие слова, которые сбылись в том же 12-м году:

«Горестно оставить столицу, но если мы не лишимся мужества и будем деятельны, то овладение Москвою приготовит гибель Наполеону».

Его мнение авторитетно поддержал генерал-фельдмаршал М.И. Голенищев-Кутузов, который, подводя итоги непростого, в бурных высказываниях, военного совета, сказал:

«Доколе будет существовать армия и находиться в состоянии противиться неприятелю, до тех пор останется надежда счастливо довершить войну, но по уничтожении армии и Москва, и Россия потеряны...

Первою обязанностью поставляю сохранить армию...

Сами уступлением Москвы приготовим мы гибель неприятелю».

Барклай-де-Толли оказался одним из тех начальников, на которого была возложена обязанность вывода войск из Москвы. Пройдет немного времени, и он увидит ее снова, но уже превращенной в пожарище.

...В середине сентября Барклай-де-Толли оставил действующую армию и пост военного министра вследствие болезни. Он просил императора за «милость» об увольнении ввиду «беспорядков, изнурения и безначалия, существующих в армии». Академик Е.В. Тарле писал по этому поводу:

«Барклай был глубоко уязвлен и не мог служить с Кутузовым, не мог простить ему, что тот похитил у него пост «и власть, и замысел, задуманный глубоко», как впоследствии говорили о Барклае и о Кутузове многие из пушкинского поколения».

Он получил отпуск на излечение, и кружным путем от Москвы через Калугу, Владимир в ноябре прибыл в свое поместье в Лифляндии. Помимо болезни чувствовалась и моральная подавленность. Прощаясь со своим адъютантом Левенштерном, Михаил Богданович сказал:

– Великое дело сделано. Теперь остается только пожалть жатву. Я передаю фельдмаршалу армию сохраненную, хорошо одетую, вооруженную и не деморализованную... Фельдмаршал ни с кем не хочет разделить славы изгнания неприятеля из империи».

Барклай-де-Толли, покидая армию, сказал немногим его провожавшим людям пророческие для своей судьбы слова:

– Народ, который бросит теперь, может быть, в меня камень, позже отдаст мне справедливость.

С отъездом главнокомандующего 1-я Западная армия прекратила свое существование. 16 августа она была объединена вместе со 2-й Западной армией в единую Главную русскую армию. Все же разделение, отлаженное войной, существовало, и в последующее время, до самого конца 1812 года названия двух Западных армий встречаются как у мемуаристов, так и у историков.

В «прифронтовой» Калуге, тогда большом губернском городе, по прибытии военного министра «народ собрался толпою, и град камней посыпался в карету. Раздавались крики: Смотрите, вот изменник!» Только строжайшее инкогнито спасло его от дальнейших оскорблений».

В изгнании наполеоновской Великой армии из пределов России М.Б. Барклай-де-Толли не участвовал. Но император Александр I Павлович помнил о своем полководце, сохранившем для него и для России действующую армию.

Впоследствии «неразгаданный» Барклай «из грозы 12-го года» станет героем немалого числа литературных творений. Поэт А.С. Пушкин посвятил ему вторую часть своего известного стихотворения «Полководец», навеянного впечатлениями от Военной галереи 1812 года в Зимнем дворце:

У русского царя в чертогах есть палата:
Она не золотом, не бархатом богата;
Не в ней алмаз венца хранится под стеклом;
Но сверху донизу, во всю длину, кругом,
Своею кистию свободной и широкой
Ее разрисовал художник быстроокой...
Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года.
Но в сей толпе суровой
Один меня влечет всех больше. С думой новой
Всегда остановлюсь пред ним – и не свожу
С него моих очей. Чем долее гляжу,
Тем более томим я грустию тяжелой...
О вождь несчастливый!.. Суров был жребий твой:
Все в жертву ты принес земле тебе чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
В молчанье шел один ты с мыслию великой,
И, в имени твоём звук чуждый невзлюбя,
Своими криками преследуя тебя,
Народ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоей священной сединою,
И тот, чей острый ум тебя и постигал,
В угоду им тебя лукаво порицал...

...Михаил Богданович возвратился в армейский строй только в последний день января 1813 года. В этот день император в городе Плоцке назначил его своим повелением командующим 3-й армией вместо адмирала П.В. Чичагова, попавшего в немилость. Вместе с ней

Барклай-де-Толли, вступивший в должность 4 февраля, совершил поход в Европу, которую русские войска вместе с союзниками освобождали от французских завоевателей.

Заслуги бывшего военного министра в Отечественной войне 1812 года помнились. Менее чем через полгода он был возвращен в действующие войска и снова стал во главе армии, которая тогда не имела людей и на полную дивизию. Когда один из генералов сказал ему об этом, то в ответ услышал такие слова:

«Я служу отечеству и государю, и когда государь находит меня способным командовать 100 000 армиею, то я обязан командовать, а когда поручают мне в командование 100 человек, то я не должен отказываться».

После смерти в Бунцлау «освободителя Отечества» генерал-фельдмаршала Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова император Александр I с согласия других монархов-союзников поставил генерала от инфантерии М.Б. Барклая-де-Толли во главе объединенной русско-прусской армии силой в 242 батальона пехоты, 188 эскадронов кавалерии, 20 казачьих полков при 608 орудиях.

Союзная армия состояла из русского корпуса генерала от кавалерии П.Х. Витгенштейна, прусского корпуса генерал-лейтенанта Ф.Г. Клейста и резерва цесаревича Константина Павловича. Резерв состоял из Гвардейского, Гренадерского, Кирасирского и платовского Казачьего корпусов. От Пруссии в состав армейского резерва входила гвардейская бригада.

Заграничные походы русской армии 1813–1814 годов стали вершиной полководческой биографии героя антинаполеоновских войн. Он успешно руководил войсками и отличился под Торном, принудив к сдаче баварский гарнизон крепости, в сражениях при Люцине (командовал 12-тысячным корпусом) и Бауцене (командовал правым флангом), при отступлении союзников от Бауцена начальствовал арьергардом, у местечка Кенигсварте разбил итальянскую дивизию.

Во время короткого перемирия сторон в 1813 году (май – июль) был назначен главнокомандующим союзными армиями. Занимался вопросами снабжения и укомплектования войск (в некоторых полках «считалось под ружьем от 150 до 200 человек, ими командовали капитаны»). Русские войска расположились в Силезии, имея штаб-квартирой город Рейхенбах. Император Александр I на исходе июля провел смотр всем корпусам и «нашел их в блистательном положении».

Когда перемирие закончилось, генерал от инфантерии Барклай-де-Толли получает в командование отдельный отряд (корпус) союзных войск, входивший в состав Богемской армии.

Последовали сражения при Дрездене и Кульме (довершил разгром корпуса Вандама), бои под Нолендорфом и Пирновом. За Кульм (чешский Хлумец) Михаил Богданович удостоился высшей военной награды Российской империи – ордена Святого Георгия 1-й степени.

Так он стал в отечественной истории вторым после М.И. Голенищева-Кутузова полным кавалером ордена Святого Георгия, то есть обладателем всех его четырех степеней.

В «Битве народов» под Лейпцигом (4, 6 и 7 октября) Барклай-де-Толли начальствовал союзными войсками на первых ролях. 4-го числа полководец командовал второй колонной союзных войск (русский корпус Витгенштейна, прусский – Клейста, гренадеров и Гвардия). 6-го – их центром. Затем командовал колонной в движении на Наумбург. 24 октября занял город Франкфурт-на-Майне. За Лейпциг удостоился титула графа Российской империи.

Когда началась кампания 1814 года, его войска, форсировав реку Рейн, занимают Базель, вступают в Лангр. Затем с участием Барклая-де-Толли на французской земле проходят сражения при Ла-Ротьере, Арси-сюр-Об и Фер-Шампенаузе.

За победу при Бриенн-ле-Шато Михаил Богданович награждается золотым Георгиевским оружием «За храбрость» – шпагой с алмазными лаврами и надписью: «За 20 января 1814 года».

18 марта берется Париж: при его штурме Михаил Богданович командует средней колонной, состоявшей из трех корпусов, – генерала Н.Н. Раевского, Гвардейского и Гренадерского. В ожесточенных схватках эта колонна, получив запоздалую поддержку от колонны прусского фельдмаршала Блюхера, продвигаясь вперед, овладела высотами между Роменвилем и Пантенем. Затем была взята последняя позиция французских войск перед самым Парижем – Бельвиль. Барклай-де-Толли приказал войскам приготовиться к последнему натиску.

Маршал Мармон, руководивший защитой столицы Франции, прислал к императору Александру I своего офицера для ведения переговоров. Российский государь сказал ему, что «он прикажет остановить сражение, если Париж будет сдан: иначе к вечеру не узнают места, где была столица».

Париж капитулировал. Трофеями союзников стали поле битвы, 86 орудий, 2 знамени, 1000 пленных и сам город. Потери (выбывших из строя) победителей составили 9093 человека: 7100 русских, 1840 пруссаков и 153 вюртембергца.

Так длинная серия антинаполеоновских войн завершилась триумфальным вступлением союзных войск в столицу побежденной Франции, Барклай-де-Толли вполне заслуженно значился в числе полководцев-победителей. В день падения Парижа он получает от всероссийского самодержца чин генерал-фельдмаршала. В императорском рескрипте говорилось кратко:

«Приказ нашим армиям.

Генерал от инфантерии граф Барклай-де-Толли за подвиги, оказанные в течение всей войны, и за победу, одержанную под стенами Парижа, всемиловитейше жалуется в генерал-фельдмаршалы.

Александр».

После парижского триумфа следует назначение главнокомандующим Силезской армией. После заключения 18 мая Парижского мира сопровождает императора Александра I в его поездке в Лондон. В июле становится главнокомандующим 1-й армией со штаб-квартирой в Варшаве. В ее состав входило две трети всех полевых войск России.

В начале 1815 года он получает отпуск по болезни, но воспользоваться им не смог. Пришло известие о бегстве низложенного императора Наполеона с острова Эльба и его торжественном вступлении в Париж. На карте Европейского континента вновь, на «Сто дней», появилась наполеоновская Французская империя.

По приказу императора Александра I («идти вперед, для довершения начатого благого дела») Барклай-де-Толли ведет огромную армию (216 тысяч строевых и 25 тысяч нестроевых чинов) к Рейну. Там он получает известие о битве при Ватерлоо. Русские войска занимают область Шампань и становятся здесь на временные квартиры. В Париж вместе с союзными войсками вводятся 3-я гренадерская и 3-я кирасирская дивизии.

В августе генерал-фельдмаршал участвует в высочайшем смотре русских войск в Вертю. Это было грандиозное зрелище, немало поразившее союзников России: в параде участвовали 150 тысяч человек и 540 орудий (!). Церемониальным маршем лично начальствовал император Александр I. Герцог Веллингтон, победитель Наполеона при Ватерлоо, скажет, что никогда не смог бы представить себе, что можно «довести армию до столь высокого совершенства».

Михаил Богданович в тот месяц удостоивается за образцовое состояние действующей армии по волеизъявлению государя пожалования «с потомством в княжеское достоинство».

По возвращении в Россию Барклай-де-Толли продолжает командовать 1-й армией, имевшей теперь штаб-квартиру в городе Могилеве. Из Франции были выведены все русские

войска, за исключением корпуса генерал-лейтенанта графа М.С. Воронцова. Он вошел в состав оккупационных войск, которыми начальствовал герцог Веллингтон, победитель при Ватерлоо.

1818 год начался для генерал-фельдмаршала посещением Санкт-Петербурга. Он получает от Александра I двухгодичный отпуск для лечения и 100 тысяч рублей на поездку с семьей на чешские минеральные воды. В конце апреля тяжело больной полководец тронулся в путь.

14 мая он скончался на мызе Штилитцене под городом Инстербургом (ныне Багратионовск Калининградской области) в Восточной Пруссии. Похоронен был в своем имении Бекгоф в Лифляндской губернии (ныне Йыгевисте, Эстония). Над его могилой был возведен мавзолей.

...Генерал-фельдмаршал князь Михаил Богданович Барклай-де-Толли был награжден: орденами Святого Андрея Первозванного (за Кенигсберг), Святого Георгия: 1-й (за Кульм), 2-й (за Бородино), 3-й (за Пултуск) и 4-й (за Вильну) степеней, Святого Владимира: 1-й (1811 год), 2-й (в 1809 году) и 4-й (с бантом и Золотым Крестом на Георгиевской ленте за Очаков) степеней, Святой Анны 1-й степени, Святого Александра Невского (за переход через Кваркен) с алмазными знаками к нему (за Торн), Золотыми Крестами за Очаков и Прейсиш-Эйлау, золотой шпагой с алмазами и лаврами с надписью: «За 20 января 1914 г.» (за Лалотьер), медалью «За взятие Парижа».

Награжден он был и многими иностранными орденами: прусскими Черного Орла (за Торн) и Красного Орла 1-й степени (за кампанию 1806–1807 годов), шведским Меча 1-й степени (за кампанию 1814 года), австрийским Марии Терезии 2-й степени, французскими Святого Людовика и Почетного легиона 1-й степени, британским Бани 1-й степени, нидерландским Вильгельма 1-й степени, саксонским Святого Генриха.

В 1816 году он получил в награду от муниципалитета города Лондона шпагу, украшенную алмазами.

В 1826 году 2-й карабинерный (бывший 3-й егерский) полк был переименован в Карабинерный генерал-фельдмаршала князя Барклая-де-Толли полк. Позднее именной полк получил название Несвижского гренадерского.

О Михаиле Богдановиче Барклае-де-Толли в отечественной истории написано достаточно много. Своей биографией, в первую очередь событиями 1812 года, он сам призвал к перу многих современников и последующих исследователей. Противоречивые великие личности всегда интересны и памятливы потомкам.

Одним из тех, кто близко знал полководца по жизни и в войнах, был такой же противоречивый для российской истории человек – генерал А.П. Ермолов. В его мемуарных «Записках» о личности Барклая-де-Толли сказано достаточно много. И самое главное – достаточно полно:

«Барклая-де-Толли долгое время невидная служба, скрывая в неизвестности, подчиняла порядку постепенного возвышения, стесняла надежды, смиряла честолюбие. Не принадлежа превосходством дарований к числу людей необыкновенных, он излишне скромно ценил хорошие свои способности и потому не имел к самому себе доверия, могущего открыть пути, от обыкновенного порядка не зависящие.

Он замечен был в чине генерал-майора, бывши шефом егерского полка, который превосходно был им приуготовлен к службе в военное время. Многих офицеров полка он не остановил на изучении одного французского мастерства, но сообщал им необходимые по знанию сведения.

Барклай-де-Толли, быстро достигнув чина полного генерала, совсем неожиданно – звания военного министра, и вскоре соединя с ним власть главнокомандующего 1-ю Западной армией, возбудил во многих зависть, приобрел недоброжелателей. Неловкий у двора,

не расположил к себе людей, близких государю; холодностию в обращении не снискал признания равных, ни приверженности подчиненных.

Приступивши в скором времени к некоторым по управлению переменам, изобличая тем недостатки прежних распоряжений, он вызвал злобу сильного своего предместника (временщика генерала от артиллерии А.А. Аракчеева. – *А.III.*), который поставлял на вид малейшие из его погрешностей.

Между приближенных к нему мало имел людей способных и потому редко допускал их разделять с ним труды его, все думал наполнить своею деятельностью. Вначале произошло медленное течение дел, впоследствии – несогласное частям и времени несоразмерное действие и, наконец, – запутанность неизбежная.

Барклай-де-Толли до возвышения в чины имел состояние весьма ограниченное, скорее даже скудное, должен был смирять желания, стеснять потребности. Такое состояние, конечно, не препятствует стремлению души благородной, не погашает ума высокие дарования; не бедность, однако же, дает способы явить их в приличнейшем виде. Удаляя от общества, оно скрывает необходимо среди малого числа приятелей, не допуская сделать обширные связи, требующие нередко взаимных услуг, иногда даже самых пожертвований.

Семейная жизнь его не наполняла всего времени уединения: жена не молода, не обладает прелестями, которые могут долго удерживать в некотором очаровании, все другие чувства покоряя. Дети в младенчестве. Хозяйства военный человек не имеет!

Свободное время он употребил на полезные занятия, обогатил себя познаниями. По свойствам воздержан во всех отношениях, по состоянию неприхотлив, по привычке без ропота сносит недостатки. Ума образованного, положительного, терпелив в трудах, заботлив о вверенном ему деле; нетверд в намерениях, робок в ответственности; равнодушен к опасности, недоступен к страху. Свойств души добрых, не чуждый снисходительности; внимателен к трудам других, но более людей, к нему приближенных. Сохраняет память претерпленных неудовольствий; не знаю, помнит ли оказанные благодеяния.

Чувствителен к наружным изъявлениям уважения, недоверчив к истинным чувствам одного. Осторожен в обращении с подчиненными, не допускает свободного и непринужденного их обхождения, принимая его за несоблюдение чинопочитания. Боязлив перед государем, лишен дара объясняться. Боится потерять милости его, недавно пользуясь ими, свыше ожидания воспользовавшись.

Словом, Барклай-де-Толли имеет недостатки, с большею частию людей неразлучные, достоинства же и способности, украшающие в настоящее время весьма немногих из знаменитейших наших генералов. Он употребляет их на службе с возможным усердием, с беспредельною приверженностию государю наилучшего верноподданного!»

...Русскому полководцу генерал-фельдмаршалу М.Б. Барклаю-де-Толли в старой России было создано три памятника. Первый открыт в 1837 году на Казанской площади в Санкт-Петербурге, второй на собранные офицерами деньги – в 1849 году в Дерпте (ныне Тарту, Эстония), третий – в 1913 году в Риге (не сохранился). В современной Российской Федерации открыт ему четвертый по счету памятник – в городе Черняховске (ранее – Инстербург) Калининградской области, на земле бывшей Восточной Пруссии. Бюст полководца украшает сквер Памяти Героев в древнем Смоленске.

Чтят память Барклая-де-Толли и на немецкой земле. На деньги короля Пруссии ему был сооружен памятник-obelisk на месте кончины полководца в Штилициене. Его скульптурное изображение украсило так называемую Регенсбургскую валгаллу – мемориал германских полководцев.

Торжества по открытию памятника полководцу, поставленного в городе на Неве, в тот же 1837 год попали в... «Обозрение расположения умов и некоторых частей государственного управления». То есть в годовой отчет III Отделения, мозгового центра политического

сыска при императоре Николае I. В этом секретном документе, составляемом лично для особы монарха, о том событии сообщалось в таких словах:

«...В заключение сего нашего обозрения упомянем о том приятном впечатлении, которое произвело на здешнюю публику, и в особенности на войско, оказанная Государем почестъ монументом фельдмаршалов Кутузова и Барклая-де-Толли. Присутствовавшие при сем старейшие генералы наши, бывшие участниками в незабвенной и славной борьбе России против Европы, были особенно тронуты таковым торжественным изъявлением Государем уважения Своего к памяти героев того времени».

Дмитрий Дохтуров

Один из самых прославленных делами полководцев «грозы 12-го года» Д.С. Дохтуров (Докторов) происходил из потомственных дворян Тульской губернии, известных в истории с XVI века. Он родился в 1759 году в селе Крутое Каширского уезда Тульской губернии (ныне город Кашира входит в состав Московской области), имении матери. Его отцом был капитан лейб-гвардии Преображенского полка С.П. Дохтуров, мелкопоместный дворянин. Дед тоже был офицером-преображенцем.

То есть служба в этом петровском «потешном» полку, одном из двух родоначальников российской гвардии (вместе с лейб-гвардии Семеновским полком), стала для рода тульских дворян Дохтуровых «семейной традицией», которой они весьма гордились. Что, впрочем, чем-то особенным для той эпохи среди старинных дворянских родов не смотрелось.

Дохтуров-младший при скромном достатке родителей получил хорошее домашнее образование. Известно, что он тяготел к изучению иностранных языков: к одиннадцати годам «свободно изъяснялся» на французском и немецком, осваивал итальянский. Поприще на будущее у него могло быть только военное, традиционное для дворян Дохтуровых.

Отец, уже отставной офицер, привез сына в столицу и, используя связи среди однополчан, добился того, чтобы мальчик был представлен императрице Екатерине II Великой. Это и решило его судьбу: в феврале 1771 года он начинает учебу в Пажеском корпусе. После успешного окончания этого привилегированного учебного заведения в апреле 1781 года Дмитрий Дохтуров зачисляется в чине поручика в лейб-гвардии Преображенский полк.

Дохтуров в начале своей биографии многим был обязан екатерининскому фавориту светлейшему князю Тавриды Г.А. Потемкину, известному в отечественной истории военному реформатору. Среди прочего глава Военной коллегии генерал-фельдмаршал Потемкин-Таврический «устроил» егерские батальоны. Егерский батальон был введен и в лейб-гвардии Преображенском полку. В него и попал поручик Дмитрий Дохтуров, ставший в 1784 году ротным командиром.

...Боевое крещение Дохтуров, уже капитан, получил в Русско-шведской войне 1789–1790 годов. Тогда Швеция, решив воспользоваться тем, что основные воинские силы восточного соседа находятся на Юге России, где шла Вторая Екатерининская турецкая война, попыталась нанести удар по Санкт-Петербургу, который в Стокгольме почему-то посчитали «беззащитным». Целью шведов было возвращение потерянных в Северной войне 1700–1721 годов территорий на берегах Балтики.

Основу гарнизона российской столицы составляла Гвардия. Из ее полков (Преображенского, Семеновского и Измайловского) был сформирован сводный гвардейский отряд, который составил основу гребной флотилии для действий в прибрежных (шхерных) районах Финского залива.

В сводный гвардейский отряд попала и дохтуровская рота егерей-преображенцев. В мае 1789 года она прибыла в крепость Кронштадт, где формировалась гребная флотилия. Гвардейцы обучались здесь ведению морского боя, учились ходить на галерах и шлюпках. То есть к июлю они стали заправскими морскими солдатами.

В длившемся 14 часов Роченсальмском морском сражении двух гребных (шхерных) флотилий – русской и шведской – капитан-преображенец Дмитрий Дохтуров получил ранение в правое плечо, но остался в строю. Капитан-преображенец отличился в abordaжных схватках, когда галеры, ломая друг у друга весла, «сваливались» друг с другом. И тогда экипажи – морские солдаты и гребцы начинали бескомпромиссный рукопашный бой за овладение вражеским судном.

Доблесть гвардейского офицера при Роченсальме была отмечена Золотым оружием – шпагой с надписью «За храбрость». Стоит отметить, что за бой на Роченсальмском рейде такую же награду получил еще только один офицер – капитан Степан Митусов.

Командиру роты егерей-преображенцев довелось отличиться и при высадке десанта на остров Герланд. Тогда ему пришлось руководить действиями сводных отрядов из трех сотен гвардейской пехоты, ставших на время войны морской пехотой.

Затем преображенец отличается под Выборгом, когда шведская флотилия под командованием самого короля Густава III пошла на прорыв. В морском бою на Выборгском рейде офицер получает второе ранение. Его имя стало известно императрице Екатерине II, по чьей воле столичная Гвардия ушла на войну: дважды раненный капитан Дмитрий Дохтуров значился в списках наиболее отличившихся в морских баталиях шхерной флотилии.

В первый день января 1795 года екатерининским указом 34-летний Дохтуров жалуетсЯ чином полковника и назначается командиром Елецкого пехотного полка. Он оставляет ряды Гвардии и становится армейцем. Уже тогда герою войны со Швецией стали предсказывать «достойную его карьеру».

В ноябре 1797 года Д.С. Дохтуров удостоивается чина генерал-майора и назначается шефом Софийского мушкетерского полка. Шеф тогда отвечал за устройство и обученность

воинской части, командовал ею на войне, был во всем ответственен перед государем за свой полк. Уже тогда Дмитрий Сергеевич мог сказать слова, которые произнесет гораздо позднее:

«Я никогда не был придворным, не искал милостей в главных квартирах и у царедворцев – я дорожу любовью войск, которые для меня бесценны...»

В октябре 1799 года Дохтуров, служба которого при императоре Павле I, как казалось многим, складывалась удачно, жалуется чином генерал-лейтенанта. Однако такое «представление» о дохтуровской карьере не выдержало испытания и одного года.

Государь, склонный «бросать» в опалу многих и многих людей военных, уже в июле 1800 года отправил новоиспеченного генерал-лейтенанта в отставку, отдав его под суд. Однако суд Дохтурова оправдал, а император Павел I к тому времени «отошел от монаршего гнева» и через четыре месяца, в ноябре, вернул Дохтурова на армейскую службу. Думается, что от павловского периода своей биографии у Дмитрия Сергеевича остались не самые лучшие воспоминания.

В конце июля 1801 года генерал-лейтенант Д.С. Дохтуров назначается шефом Олонецкого мушкетерского полка. Он вновь блеснул мастерством обучения и воспитания подчиненных, как нижних чинов, так и офицеров.

В январе 1803 года следует назначение шефом Московского мушкетерского полка. Тем же императорским указом Дохтуров назначается инспектором пехоты Киевской инспекции. Так что теперь служебных забот у него умножилось.

...Когда началась Русско-австро-французская война 1805 года, Московский мушкетерский полк вошел в состав 50-тысячной кутузовской Подольской армии, которая выступила в Австрийский поход на соединение с 46-тысячной армией венского двора. Войска (пехота) двигались пятью отрядными колоннами, которые возглавляли генералы Багратион, Милорадович, Дохтуров, Репнинский и Мальтиц.

Походные колонны двигались по дорогам, размытым осенними дождями. Когда Подольская армия вышла на театр военных действий, союзники-австрийцы под командованием генерала Макка без боя сдались французам у города Ульма. Русским войскам, которые лишились помощи союзников, в такой ситуации пришлось начать почти месячное отступление от Браунау к Кремсу. Путь шел по правому берегу Дуная. Дохтуров писал жене:

«Мы идем по ночам, мы почернели... офицеры и солдаты босиком, без хлеба. Какое несчастье быть в союзе с такими негодьями, но что делать!...»

Генерал-лейтенант Д.С. Дохтуров отличается в сражении при Кремсе, в котором был разбит корпус маршала империи Мортье. Наградой ему стал Военный орден Святого великомученика и победоносца Георгия сразу 3-й степени, минуя низшую, 4-ю степень. Это была, несомненно, хорошая «авторская заявка» на будущие дела: в царствование Александра I такие «перепрыгивания через ступень» в орденских награждениях были исключением из положений Георгиевского статута.

Дело под Кремсом начиналось так. Командовавший русской армией М.И. Голенищев-Кутузов получил донесение о том, что французы переправились на левый берег Дуная и густой пехотной колонной движутся от Дирнштейна к Кремсу. Генералу Милорадовичу было приказано удержать неприятельский корпус с центра, а Дохтурову – обойти его и перерезать путь возможного отхода или, если ситуация изменится, нанести удар с фланга.

Дохтуров стал заходить в тыл корпусу маршала Мортье с четырьмя полками – Московским, Ярославским и Вятским мушкетерскими, 6-м егерским, подкрепленными брянскими и нарвскими мушкетерами (по два батальона от полка) и двумя эскадронами мариупольских гусар. То есть эти силы в полтора раза превышали состав пехотной дивизии.

Маршал Мортье торопился разбить противника, имея впереди атакующей одну пехотную дивизию из трех в корпусе. Французам удалось сбить с позиции войска Милорадовича, которому пришлось уступить неприятелю упорно защищаемое селение Унтер-Лойбен. Дох-

туров со своими мушкетерами, егерями и гусарами появился на поле брани только в пять часов вечера: обходная дорога через лесистые горы оказалась настолько трудной, что его колонна запоздала на девять часов.

И хотя издали слышимая пушечная пальба подстегивала солдат на марше, они растеряли в пути много сил. Тогда Дохтуров выслал вперед свой авангард – 6-й егерский полк и гренадерский батальон Ярославского мушкетерского полка. Они, спустившись с гор, заняли местечко Дирнштейн, отрезав тем самым передовую дивизию маршала Мортье от двух других, следовавших вслед за ней.

Мортье, узнав, что он отрезан от корпусного арьергарда, приказал драгунской кавалерии выбить русских из Дирнштейна и расчистить путь наступающему корпусу. Однако драгуны решить задачу не смогли. Тогда маршал Франции развернул авангардную дивизию генерала Газана обратно и обрушился с ней на противника, занявшего местечко. Одновременно к Дирнштейну вышла и другая французская дивизия, генерала Дюпона.

Неприятель настойчиво атаковал. У Дохтурова почти не оказалось резервов: его 16 пехотных батальонов спускались с гор по узкой, извилистой дороге разрозненно. Они сразу же вводились в бой. Наступившая темнота и усилившийся дождь не остановили ход боя. Мортье сумел-таки перебросить на горный склон часть своих стрелков, чтобы там остановить ту часть русской пехоты, которая спускалась в долину.

Наступали критические минуты сражения при Кремсе. И в это время полки Милорадовича с фронта нанесли сильный удар, и маршалу Мортье пришлось откатиться к берегу Дуная, сесть на стоявшие суда и уйти под огнем русских батарей на правый берег реки. Дивизия генерала Газана, прорвавшись сквозь русские ряды у Дирнштейна, бежала к Дунаю обескровленной. Дохтуров доносил о победе М.И. Голенищеву-Кутузову:

«Все три батальона Московского мушкетерского полка, составлявшие первую линию, грудью шли вперед... Неприятель... наступлением линии был опрокинут, а две его пушки гренадерским батальоном Московского мушкетерского полка под командою майора Шамшева взяты...

В полон взято штаб- и обер-офицеров и нижних чинов до двух тысяч человек... и два знамени».

...Затем Дохтуров становится участником битвы при Аустерлице. Он командовал первой колонной левого крыла. Ей предписывалось двинуться «левым флангом от Аугеста чрез Тельниц, дабы, овладев сею деревнею, идти дефилею направо вперед к находящимся там прудам». После этого дохтуровской колонне надлежало построиться на равнине между дефиле и прудами, чтобы на этой позиции прикрыть тыл всех остальных – 2, 3 и 4-й атакующих колонн русско-австрийских войск.

Колонна генерал-лейтенанта Дохтурова спустилась с горы и, пройдя деревню Аугест, около 8 часов утра 20 ноября в упорном бою заставила противостоящих ей французов отступить к деревне Тельниц. После этого командир оставил на передовой егерей и часть пехоты, расположил остальные войска позади деревни.

На штурм Тельница пошел батальон 7-го егерского полка, который был встречен сильным огнем со стороны французов. Егерей подкрепила пехотная бригада, которая, «видя неприятельскую линию увеличивающуюся», ударила в штыки, смяла и обратила ее в бегство. Так для дохтуровской колонны начиналось сражение при Аустерлице.

Деревня Тельниц была взята ценой больших потерь для сторон. Поставив на возвышенном месте пехотный батальон с двумя орудиями как левофланговое боевое охранение, Дохтуров двинул колонну дальше – к селению Турас и Турасскому лесу. Французы в больших силах контратаковали, но были вынуждены отступить. Русские преследовали неприятеля. Так неудачно на французском правом фланге начинались события дня 20 января.

Тогда император Наполеон, уже полководец с большим опытом, решил переломить ход начавшегося сражения и нанести сильный удар по центру позиции союзников. Второй, третьей и четвертой колоннам пришлось отступить перед натиском французов, атаковавших колоннами.

В сражении под Аустерлицем 1-я колонна пострадала гораздо меньше других. Когда стало ясно, что битва проиграна Наполеону, союзники, ряды которых были расстроены, стали отступать. Дохтуров так и не дождался из императорской штаб-квартиры приказа на оставление поля битвы. Поэтому он сам «ответственно» дал приказ колонне на отход между прудами Менница и Сачау. Неприятель, подтянув значительную числом орудий артиллерию, начал насаждать и брать в кольцо окружения отступавших.

Чтобы остановить преследовавших французов, на плотине, взятой с боя, был поставлен пехотный Московский полк, который превратился, таким образом, в арьергард 1-й колонны. Московцы долго держались у плотины, но потом и они были вынуждены отступить под массированным огнем французских батарей.

В сражении под Аустерлицем дохтуровская колонна потеряла более половины своего состава – 6359 человек. Но она вырвалась из кольца окружения, пробившись через французские боевые порядки и избежав пленения, и на другой день догнала Главную армию, в которой полки 1-й колонны уже считали погибшими.

За боевые действия в Аустерлицком сражении Дохтуров был награжден орденом Святого Владимира 2-й степени «Большого креста». Главнокомандующий русской армией М.И. Голенищев-Кутузов сопроводил эту награду такими словами:

«Я твердо убежден, что ею облачается один из отличнейших генералов, особенно заслуживших любовь и уважение всей армии».

...В новой войне против империи Наполеона Бонапарта – Русско-пруско-французской 1806–1807 годов – генерал-лейтенант Д.С. Дохтуров командует 7-й пехотной дивизией. В первую военную кампанию его дивизия отличается в деле под Голымином, в 80 километрах севернее Варшавы. Под Голымином удар основных сил французской армии (корпусов Ожеро, Сульта и Даву, императорской гвардии) пришелся на две дивизии русской пехоты – Д.С. Дохтурова и Д.Б. Голицына, подкрепленных несколькими кавалерийскими полками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.